

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский
университет
ООО «Учебный центр «Информатика»»

**ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: СОВРЕМЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**Часть 4. Человек как субъект общества и истории:
философские аспекты**

Материалы заочной всероссийской с международным участием научно-
практической конференции
(25–30 декабря 2012 г.)

Пермь 2013

УДК 101.11:316
ББК 87.6

Научные редакторы – к. филос. н. **К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур**

Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук: материалы заочной всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. студ., асп., молодых ученых, педагогов и преподавателей (25–30 декабря 2012 г.): в 4 ч. / науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – Ч. 4. Человек как субъект общества и истории: философские аспекты. – 100 с.

ISBN 978-5-7944-2060-9 (ч.4)
ISBN 978-5-7944-2057-9

В сборнике публикуются материалы заочной всероссийской с международным участием научно-практической конференции (25–30 декабря 2012 г.) «Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В часть 4 сборника включены статьи, посвященные проблеме человека как субъекта общества и истории. Особое внимание уделено современным философским и социологическим концепциям.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Печатается по решению оргкомитета конференции

Организационный комитет конференции:

Канд. филос. наук, ст. преп. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, ст. преп. каф. прикладной математики и информатики, докторант каф. философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ **К.В. Патырбаева (г. Пермь)**; к. культурологии, зав. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА **Л.Л. Леонова (г. Пермь)**; д. филос. н., проф. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА **Кукьян В.Н. (г. Пермь)**; ст. преп. каф. спец. психологии ФГБОУ ВПО ДВГГУ **Е.Ю. Мазур (г. Хабаровск)**; д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. прикл. матем. и информ. **С.В. Русаков (г. Пермь)**; педагог-психолог высшей квалификационной категории **М.И. Патырбаева (г. Пермь)**

ISBN 978-5-7944-2060-9 (ч.4)
ISBN 978-5-7944-2057-9

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013

ЧАСТЬ 4. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВА И ИСТОРИИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

РАЗДЕЛ I. КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В МАРКСИЗМЕ (НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Патырбаева К.В.

К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ИСТОРИИ И КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА

Проблема субъекта исторического процесса не теряет своей актуальности для исследования ее как в историко-философском аспекте, так и в аспекте современности. Становление общества постиндустриального (информационного) типа по-новому ставит проблему субъекта развития. Обращение к проблеме социального субъекта, субъекта истории требует четкого понимания того, кто является субъектом истории, и какими субъектными свойствами он обладает. В статье, опубликованной ранее в журнале «Психология. Социология. Педагогика», автором была рассмотрена проблема субъекта с позиций субъектно-деятельностного подхода в психологии. При этом было обращено внимание на необходимость дополнения представлений о субъекте в психологии философским подходом [6].

Настоящая статья предпринимает попытку обозначить онтологические основания человека как субъекта истории и является, по нашему мнению, дальнейшим шагом в разработке проблемы субъекта в философии и в других гуманитарных науках.

Термин «субъект» возникает в рамках философии античного периода и первоначально обозначает носителя свойств, состояний, действий. В этот период категории «субъект» и «субстанция» рассматриваются как тождественные, взаимозаменяемые.

В современной научной философии субстанцией является, прежде всего, *материя*, которая, являясь *causa sui* (*причиной себя*), развивается, черпая возможности развития из самой себя. *Материя как субстанция обретает статус субъекта только на определенном этапе исторического развития, с появлением социальной формы материи.*

История философии показывает, что категория «субъект истории» содержательно предполагает какой-либо признак *специфической субъектной активности*. Чаще всего такая субъектная активность виделась философам

прошлого в сознательности, разумности человека. Субъект определялся через наличие смысла в собственной деятельности, в отличие от активности, происходящей в природе. Наличие смысла в действиях субъекта позволяло отличать действия субъекта от действия природных сил и использовалось в качестве отличительного признака «субъекта истории».

Философия марксизма дала убедительное обоснование того, что сознание и, следовательно, активность, связанная с сознательной деятельностью, сама является производной от активности материальной, а именно, от производственной, трудовой деятельности.

Этот момент является, по нашему мнению, принципиально важным, поскольку позволяет увидеть онтологические основания субъекта, «вывести» становление субъекта истории из последовательного развития материального мира, частью которого является и человек как субъект социальной жизни и собственной истории.

Развитие материи, понимаемое как последовательная и бесконечная смена низших форм материи более сложными формами, обозначается категорией *единого закономерного мирового процесса*.

Вершиной закономерного мирового процесса и высшей формой материи является человек как социальное материальное существо. Именно в отношении человека можно утверждать, что он является субстанцией исторического процесса, а также то, что он субъект истории.

В одной из своих работ Ю.В. Лоскутов, исследовавший проблему субстанции в онтологическом аспекте, предполагает, что при обращении к категории «субъект» необходимо обязательно использовать понятие «субстанция». «На самом же деле, поскольку субстанция – *causa sui*, постольку она изменяет самое себя, в силу чего у нее есть активная (субъект) и пассивная (объект) сторона. Любая субстанция (любая форма материи как субстанция) выступает в качестве субъекта. Существует иерархия природных субъектов, которую венчает социальный субъект (субъект в собственном смысле слова)», – замечает Ю.В. Лоскутов [2].

По нашему мнению, понятия «субстанция» и «субъект» все же не являются тождественными. Точнее, любой субъект предполагает субстанциональность, но не всякая субстанция является субъектом. По нашему мнению, понятие «субъект» относится к особому уровню развития материи как субстанции, связанному с появлением человека.

На основании идей, разработанных в рамках научной философии (диалектического и исторического материализма), следует вывод, что носителем сознательной активности, производственной и других видов деятельности, то есть *субъектом*, является человек как высшая форма материи, «высший цвет материи».

Ключ к пониманию субъекта в марксизме – концепция человека, которая имеет сложный, многоуровневый характер.

Известно, что ее ядром выступают всеобщая и социологическая концепции человека. *Всеобщая концепция человека* представляет собой описание человека применительно к миру как целому, к таким всеобщим

сторонам мира как материя, движение, развитие, бесконечность и т.д. По верному замечанию В.В. Орлова, «в этой концепции субстанция человеческой истории раскрывается на основе всеобщих философских категорий (материи, развития, бесконечности, необходимости и случайности, закона и закономерности, причины и следствия и т.д.), в контексте концепции единого закономерного мирового процесса» [5; с. 69].

Социологическая («особенная») концепция человека – это описание человека применительно к социальным явлениям – производительным силам, производственным отношениям, общественно-экономическим формациям.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо выделить *онтологические основания субъекта* и собственно *социально-философскую концепцию субъекта истории*.

Онтологическими основаниями выделения субстанции человеческой истории в философии марксизма являются представления о бесконечном развивающемся материальном мире как едином закономерном мировом процессе, вершиной которого выступает человек как «высший цвет материи». Развитие, понимаемое как движение от низших форм материи к ее высшим формам, представляет собой построение бесконечной иерархической системы мира, в которой все ее уровни (формы материи) находятся в определенных диалектических закономерных отношениях. Развитие – рост богатства содержания, обусловленный аккумуляцией, накоплением результатов предшествующего развития и возникновением нового, более сложного содержания. Закономерным результатом этого бесконечного процесса является человек как универсальное материальное существо. В силу закономерностей развития материи, в человеке интегрировано и аккумулировано всеобщее содержание предшествующих ступеней, в результате чего, *человек оказывается носителем основных свойств материи в универсальной форме*. Диалектический материализм рассматривает материю как субстанцию, как причину самой себя, источники развития которой находятся в ней самой. Человек как социальная форма материи также обладает субстанциальностью, которая проявляется в способности человека творить свое бытие и сущность в труде и мышлении. «Субстанция человеческой истории – концентрированная и персонифицированная сущность мира» [5; с. 70; см. также: 3; 4]. Универсальность человека проявляется в способе его существования. В отличие от предшествующих форм материи, которые существовали либо непосредственно, либо путем приспособления к среде, человек существует универсальным способом – он преобразует среду, нижележащие формы материи, превращая всю природу в свое «неорганическое тело». Преобразуя нижележащие формы материи, человек доразвивает нереализованные в предшествующем процессе развития возможности материи. В то же время в этом процессе человек постоянно производит и воспроизводит себя из окружающей его природной среды. Субстанциональность материи – быть причиной самой себя, быть источником своего развития – реализуется с появлением человека во всей своей полноте. Универсальность и

бесконечность субстанции проявляется в человеке как универсальность его родовой сущности.

В то же время человек представляет собой определенную ступень развития материи, то есть несет в себе специфические черты, особенное содержание. В отношении к бесконечному миру он становится как особенное, социальное существо, как *субъект труда, общения и сознания*. Его всеобщая природа выражается, прежде всего, через сознательную деятельность общественного существа, непрерывно создающего свою общественную жизнь, осуществляющего человеческую историю [1; с. 9].

Человек как результат развития бесконечного материального мира, вступая в практическое отношение к этому миру, через специфическую, свойственную только человеку трудовую активность и реализацию других сущностных сил, включая сознание, выступает по отношению к бесконечному миру как субъект. В то же время, преобразуя мир, человек производит и воспроизводит собственную сущность, собственное бытие как социального материального существа. Иначе, через преобразование мира человек творит себя и в этом смысле выступает для себя высшим объектом. Особого рода сознательная и направленная материальная активность позволяет говорить о человеке как единственно возможном субъекте.

Развитие материального мира от низших форм до социальной формы материи с присущим ей специфическим способом существования и составляет онтологические основания человека как субъекта по отношению к миру и собственному социальному бытию.

Как универсальное существо, находящееся в универсальном отношении к миру, человек способен вмешиваться в любые причинные связи, причинять любые явления объективного и субъективного мира, выступает в качестве универсального причинного фактора и подлинного субъекта.

Возникая из бесконечного мира, находясь с ним в глубоком родстве, человек способен к бесконечному развитию. Преобразуя бесконечный мир, ниже лежащие формы материи, человек непрерывно углубляется в себя, в свое основание, развивает собственную сущность. Исторический процесс в этом смысле выступает как развитие человеческой сущности. История человечества предстает как продолжение мирового процесса, как развитие сущности мира вглубь себя. Развитие человека в марксизме – это не фатальный, кем-то predetermined процесс, а продукт собственной деятельности человека. Именно человек как универсальное материальное существо создает объективные условия, определяющие его развитие, выступая подлинной субстанцией и субъектом исторического процесса. Таким образом, всеобщая концепция рассматривает субстанцию (субъекта) человеческой истории как высшее выражение субстанции мира, тогда как особенная, социально-философская концепция марксизма раскрывает деятельностный характер человека как субъекта собственной истории на основе социально-философских понятий (индивида, общества, общественно-экономической формации, труда, собственности). Человеческая сущность и

история в ней раскрываются как процесс, который производится самими людьми. Данные аспекты планируется сделать предметом анализа в последующих авторских статьях.

Литература

1. Васильева Т.С., Орлов В.В. Труд и социализм. Пермь, 1991. 204 с.
2. Лоскутов Ю.В. К вопросу о содержании категории «субъект» // III Российский философский конгресс "Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия". Т.1. Ростов-на-Дону. 2002. С. 218–219. URL: <http://www.yuri-loskutov.narod.ru/subject.htm> (дата обращения: 12.05.2012 г.)
3. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 397 с.
4. Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М., 1985. 220 с.
5. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006. 266 с.
6. Патырбаева К.В., Мазур Е.Ю., Патырбаева М.И. Категория «субъект» в субъектно-деятельностном подходе в отечественной психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 5 (18). С. 30–37.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ИСТОРИИ В МАРКСИЗМЕ (НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Проблема субъекта исторического процесса получает принципиально новое решение с появлением марксистской философии. В ее основах – новое понимание человека, его сущности и роли в историческом процессе. В частности, пересматривается гегелевская трактовка человека как средства осуществления конечных целей истории, заданных абсолютным духовным началом, составляющим субстанцию и субъект исторического процесса. В отличие от предшественников, марксизм стремился подчеркнуть действие в истории материальных факторов и основу общественного развития увидел в развитии материального производства, которое возникает из реальных потребностей самого общества.

Философское осмысление исторического процесса в марксизме начинается с понимания простого факта, что действительный живой человек – есть *основа и подлинный субъект исторического процесса*. «История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей, – писали основоположники марксизма, – История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [6; с. 402]. Субстанциальное понимание человека как субъекта истории – один из ключевых моментов материалистического понимания истории (исторического материализма).

Материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса начинается с определения предпосылок истории, которыми являются «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» [9; с. 8]. «Первая предпосылка всякой человеческой истории, – пишут основатели материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии», – это существование живых человеческих индивидов» [9; с. 8].

С одной стороны, человек – часть природы, которая рассматривается в качестве одной из предпосылок исторического процесса. Однако Маркс и Энгельс не останавливаются только на данном тезисе. Указывая на единство общества и природы, на наличие природных основ человека, Маркс и Энгельс раскрыли специфику социального, показав, что человек не просто природное существо, а существо, имеющее особую природу, особый (социальный) способ существования, выделяющий его из природной среды как социальное существо.

Материальное производство, труд – это важнейшее сущностное свойство (сущностная сила) человека, способ существования социальной формы материи. Марксизм понимает материальный труд как способность человека присоединять к собственным сущностным силам сущностные силы природы, ставить под контроль и использовать в своей преобразовательной деятельности природные процессы различной степени сложности. Чем более сложными природными процессами овладевает человек, тем сложнее труд и тем более развита человеческая сущность. Выступая как основной способ и средство существования человека, материальный труд есть реализация и преобразование самого человека, непрерывный процесс порождения, генерации социального бытия, поскольку труд непрерывно производит, порождает человека из окружающих его природных условий. Труд, следовательно, есть процесс производства человеком собственной жизни, собственной материальной сущности посредством преобразования природы. Он ставит человека в отношение к материальному миру, к самому себе и обществу в целом.

Согласно философии марксизма, труд является способом развития высшей формы материи – человека как социальной формы материи. В этом плане он выступает как наивысшая форма материальной активности, высший способ движения и развития, возможный в материальном мире. В труде в обобщенном и сокращенном виде представлено основное содержание бесконечно многообразных форм движения и развития материи, благодаря чему труд выступает как всеобщая и универсальная форма движения и развития.

Согласно Марксу, важной особенностью человека как социальной субстанции является то, что он способен порождать и воспроизводить не только самого себя, но и все другое, развертывая и обнаруживая в этом другом свою субстанциональную сущность. В отличие от животного, которое производит только самого себя, «человек воспроизводит всю природу», «по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую ему мерку» [8; с. 93–94]. Труд в этом смысле является потенциально

бесконечным и содержит в себе возможность и необходимость бесконечного существования человека, бесконечной и неисчерпаемой человеческой сущности.

По верной оценке Г.С. Григорьева, человеческое в человеке есть продукт исторического развития именно как *субъекта активной, преобразующей сознательной деятельности, как единственного истинного субъекта труда*. В своей трудовой деятельности, видоизменяя вещество природы, человек утверждает себя в качестве *субъекта* – властелина и царя природы [4; с. 159].

Разумеется, существуют различные виды субъектной активности человека – человек выступает и как субъект познания, и как субъект общения; субъектная активность человека проявляется в социальной и политической сферах и т.д. Важно понимать, что марксизм не игнорирует и не отрицает разнообразия субъектной активности человека, проявляющейся в различных видах деятельности. Суть в том, что марксизм задает определенную иерархию различных видов деятельности (что не обнаружилось в субъектно-деятельностном подходе в психологии) [11], где способность человека к материальному труду рассматривается как первичная способность, определяющая возможность формирования других видов человеческой деятельности. Так марксизм показал, что формирование сознания, речи, способности к общению напрямую зависело от развития способности к материальному труду. Сама структура общественно-экономической формации, по нашему мнению, является отражением иерархии видов человеческой субъектной активности.

Способность человека к труду, материальному производству составляет ядро человеческой сущности, которая может быть представлена в виде совокупности сущностных сил человека, которые определяют различные формы человеческой *субъективности*, проявляющиеся в *активном отношении индивидов к миру и самим себе* [10; с. 347].

«Сущностные силы человека» – это моменты, стороны, «составляющие» человеческой сущности. Они имеют родовой характер, принадлежат человеку как роду, приобретая в каждом человеке индивидуальный характер. В связи с этим, в литературе предлагается различать *родовые* и *индивидуальные* сущностные силы [3; с. 16]. Далее, выделяются *потенциальный* и *действительный (актуальный)* аспекты человеческих сущностных сил. Также в марксистской литературе известно выделение «*ярусов*» сущностных сил, где к первому ярусу относятся *труд, мысль, общение*, ко второму – *способности и потребности*. Важными группами сущностных сил, связанных с обоими ярусами являются *коллективность и индивидуальность, свобода и ответственность* [2; с. 155].

Ключевой, можно сказать, системообразующей сущностной силой по отношению к остальным является способность человека к материальному труду. В конечном счете, все остальные сущностные силы являются производными от развития способности человека к материальному труду.

Развитие человеческой сущности – это главное содержание, сущность и смысл истории. Для того чтобы понять историю, согласно марксизму,

необходимо понять человеческую природу (сущность) и ее модификации в каждую данную историческую эпоху. Человеческая история предстает как развитие (качественное и количественное) деятельной природы человека, как усложнение его активности, его отношения к миру, другим людям, самому себе. Магистральной линией развития человека как субъекта истории, исходя из логики и методологии марксизма, по нашему мнению, является развитие человека как субъекта материальной преобразовательной активности, общественного материального производства, поскольку как было показано выше, именно труд составляет ядро человеческой сущности. Разумеется, деятельная природа человека, его активность как субъекта не ограничивается только лишь трудовой деятельностью, но именно она является определяющей по отношению к другим формам человеческой активности в философии марксизма, поэтому анализ человека как субъекта истории должен начинаться именно с анализа труда.

В философии марксизма человек – субъект общественного производства, а так же его предмет (объект) и одновременно результат.

Социальные индивиды, обладающие универсальным способом существования, главное в котором – производство собственно человеческого бытия и сущности, составляют непосредственную основу общества, его исходный, определяющий уровень. Именно индивиды как носители социальных свойств (через которые проявляется их сущность) представляют собой, согласно философии марксизма, предельное основание социального бытия.

Причем, это не абстрактные, изолированные от реального общества и общественных отношений индивиды. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс отмечает, что мы не можем подобно Фейербаху «абстрагироваться от хода истории... и предположить абстрактного – *изолированного* – человеческого индивида» [5; с. 3]. Наконец, самый известный, шестой тезис К. Маркса говорит нам, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [5; с. 2].

Б. Н. Бессонов справедливо отмечает, что «К. Маркс и Ф. Энгельс убедительно доказали, что мир человека – это все его общественные и индивидуальные отношения. Сущность человека и вся его жизнедеятельность определяются, прежде всего, социальными отношениями. Последние либо способствуют развитию человека, либо лишают его возможности проявлять свои физические и духовные силы...» [1; с. 70].

К. Маркс выступал против представлений о человеке как о не зависящем от социальных условий индивиде. Маркс подчеркивал, что человек обретает свой способ жизнедеятельности только в обществе и через общество, что индивид достигает самосознания, лишь становясь в многообразные отношения с другими людьми в процессе совместного труда.

Маркс и Энгельс высоко оценивали взгляды Л. Фейербаха, который указывал, что главным предметом и исходным принципом философского исследования должен быть реальный, эмпирически данный человек. Правда,

и Фейербах не смог преодолеть абстрактности представлений о человеке. Поэтому, отмечали Маркс и Энгельс, он и не добирается до реально существующих деятельных людей [1; с. 86].

Маркс и Энгельс феербаховскому культу абстрактного человека противопоставили действительных людей в их историческом развитии. Человек – с самого начала общественное существо, его деятельность всегда носит общественный характер. Маркс отмечал, что «в производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их воздействие на природу, имеет место производство» [7; с. 28].

Марксизм исходит, в первую очередь, из признания того реального факта, что жизнедеятельность человека детерминирована социально-экономическими отношениями, что, следовательно, формирование личности и ее деятельность не может быть независимой от характера этих отношений. Решающая причина, которая определяет характер и поведение людей, заключена в способе их жизнедеятельности, в способе производства ими жизненных средств.

Поэтому, говоря о субъекте истории, мы не можем рассматривать абстрактного индивида вне конкретно-исторических условий. По словам основателей материалистического понимания истории, предпосылками истории «являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов» [9; с. 14–15].

Субъект истории – это конкретно-исторические индивиды (группы индивидов), «определенным образом занимающиеся производственной деятельностью» [9; С. 13], состоящие в определенных производственных, политических и других отношениях.

Исторические эпохи, исторические формы общества, согласно марксизму, будут различаться тем, как производят люди, то есть способом производства, и теми отношениями, в которые они вступают в процессе этого производства, то есть производственными отношениями. Такие исторические формы общества в философии марксизма были названы общественно-экономическими формациями. Проблема субъекта исторического процесса в ракурсе теории общественно-экономических формаций требует отдельного рассмотрения и будет раскрыта автором в последующих публикациях.

Литература

1. Бессонов Б.Н. Человек. Пути формирования новой личности. М., 1988.

2. Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия. Пермь, 2002.
3. Васильева Т.С., Орлов В.В. Труд и социализм. Пермь, 1991.
4. Григорьев Г.С. Труд – первая человеческая потребность. Пермь, 1965.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Том 1. М., 1979.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Том 1. М., 1979.
10. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2011.
11. Патырбаева К.В., Мазур Е.Ю., Патырбаева М.И. Категория «субъект» в субъектно-деятельностном подходе в отечественной психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 5 (18). С. 30–37.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА И ФОРМАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ

В настоящей работе автор продолжает освещать собственные наработки по проблеме субъекта общества и истории. Ранее были опубликованы статьи по данной тематике в журналах «Психология. Социология. Педагогика» и «Вестник гуманитарного научного образования», где рассматривались вопросы о понятии субъекта, его ключевых субъектных свойствах, онтологических основаниях человека как субъекта [6, 7].

Данная статья обращается к теории общественно-экономических формаций – одной из наиболее значимых концепций современности, объясняющих исторический процесс с материалистических позиций, причем акцент делается на эвристических возможностях данного подхода в анализе субъекта истории.

Создание теории общественно-экономических формаций, по нашему мнению, является одним из крупнейших достижений Маркса, благодаря чему история общества предстает как единый закономерный исторический процесс, «магистраль» которого образована последовательностью пяти общественно-экономических формаций. Общественно-экономические формации отражают развитие человеческой сущности как субстанции исторического процесса. Они представляют собой социальную форму организации человеческой сущности, которая модифицируется в каждую историческую эпоху. Таким образом, основой выделения исторических форм общества, согласно Марксу и Энгельсу, сам человек. Как верно заметил Л.А.

Мусаелян, «человек, с их точки зрения, не только субъект, объект (предмет), результат и цель исторического процесса, но и критерий его периодизации» [4, с. 323].

Общественно-экономическую формацию часто определяют:

- как «общество на определенной ступени развития» [1, с. 183];
- как «исторически определенный этап развития общества..., исторически определенный этап развития общественного бытия и общественного сознания, которые являются содержанием базиса и надстройки» [2, с. 312];
- как «определенный тип общества, цельную социальную систему, функционирующую и развивающуюся по своим специфическим законам, обусловленным данным способом производства» [4, с. 328];
- как людей, «исторически определенным образом материально и духовно производящих собственную жизнь, людей, достигших определенного исторического этапа собственного развития» [2, с. 312].

Последнее определение наиболее удачно в том плане, что отражает субъектную составляющую истории, указывая, что общественно-экономическая формация – это, в конечном счете, определенная ступень развития субъекта исторического процесса. В связи с этим, можно говорить об определенной *типологии субъектов исторического процесса* – *конкретно-исторических типах субъектов*, которые будут отличаться друг от друга *уровнем развития производительных сил* и исторически определенными *производственными отношениями*.

Развитие общества и смена общественно-экономических формаций осуществляется через диалектическое единство и борьбу производительных сил и производственных отношений, составляющих вместе способ производства.

Понятия способа производства и общественно-экономической формации являются центральными при анализе периодизации истории в марксизме. Они конкретизируют основные понятия исторического материализма – общественного бытия и общественного сознания и позволяют, по мнению В.В. Корякина, «конкретно-всеобщим образом взглянуть на человека, общества и историю» [2, с. 308].

Общественное бытие – это материальная жизнь индивидов, это сами люди как социальные материальные интегральные существа, производящие свою универсальную, родовую и индивидуальную сущность посредством преобразования природы. Общественное бытие выступает в качестве единства производительных сил и производственных отношений.

Общественное бытие как единство людей и средств производства и фиксируется марксизмом в понятии «производительные силы общества». В структуре производительных сил в традиционной марксистской литературе выделяют личный компонент (сам труд) и вещественный компонент (средства производства), который далее подразделяется на предмет, средства и продукт труда. В производительных силах наиболее подвижным и динамичным является личный компонент, сами люди как создатели техники,

которая есть лишь преобразованный природный элемент общества, средство человеческого существования. В связи с этим, при анализе производительных сил необходим акцент именно на личном компоненте – человеке и его способностях к труду. Хотя вещественный компонент также является важным, хотя и не определяющим. Известно, что коренная особенность труда состоит в том, что он имеет опосредованный характер, то есть совершается с помощью орудий труда, которые имеют природное происхождение. Труд и орудия труда соотносятся как высшее (социальное) и низшее (природное). Однако в орудиях труда овеществляются сущностные силы человека. Именно поэтому они могут рассматриваться как мерило развития человеческой рабочей силы и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд, и в этом смысле они очень важны для анализа *субъекта трудовой деятельности*.

Единство людей как особого рода материальных существ внешне выражается в отношениях, которые складываются между ними, а также между ними и природой в процессе производства своего бытия. Данные отношения носят характер материальных производственных отношений. Производственные отношения выступают как отношения производства, распределения, обмена и потребления, причем в их фундаменте лежат отношения собственности. По словам В.В. Корякина, «собственность является отношением непосредственно связанным с трудом, или собственно производством, в связи с чем, она является концентрированным выражением производственных отношений в единстве всех их сторон в целом, то есть отношений потребления, распределения и обмена» [2, с. 200]. Авторы «Философии экономики» также, говоря о месте проблемы собственности в философии марксизма, пишут, что «основой или ядром отношений в процессе труда выступает *собственность как отношение между людьми по поводу вещей*, или “*объектов собственности*”» [5, с. 115].

Проблема собственности – одна из ключевых для философии марксизма. Как показано В.В. Орловым, содержание понятия собственности раскрывается в «Капитале» имплицитно, но играет важнейшую роль в анализе возникновения и функционирования капиталистического способа производства, превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения, всеобщего закона капиталистического накопления [5, с. 115–116]. Более того, по нашему мнению, *анализ отношений собственности – один из ключевых моментов при анализе социальных субъектов*. Подобно тому, как средства труда служат, по Марксу, мерилем развития сущностных сил человека, отношения собственности также являются выражением развития человеческого общества как субъекта собственной истории. Через анализ характера взаимодействия социальных субъектов (прежде всего, классов), через те отношения, в которые они вступают в процессе производства можно судить о том или ином этапе исторического развития и о его субъекте. Не случайно, именно производственные отношения Маркс полагает базисом общественно-

экономической формации, которые вместе с производительными силами составляют способ производства.

Согласно историческому материализму, сущность людей, общественного бытия в целом имеет производящий характер. При этом труд является сущностью и концентрированным выражением материального производства вообще. В историческом развитии общественное бытие реализуется в многообразии последовательно сменяющих друг друга этапов. Каждой исторической форме общественного бытия присущ свой определенный способ производства людьми своей жизни. Понятие «способ производства» фиксирует особенности развития общественного бытия на определенном этапе его становления, а также то общее, что присутствует в эволюции общества на любом его этапе. Способ производства выступает как единство производительных сил и производственных отношений, взятых в аспекте их исторической определенности и развития.

Обычно при указании на сущностный признак, по которому основоположники марксизма проводили типологизацию обществ, называется *способ производства*, что, разумеется, абсолютно верно. Важно, по нашему мнению, акцентировать внимание на том, что *за способом производства, включающим производительные силы и производственные отношения, стоят сами люди как субъект, предмет, результат и цель собственной истории.*

По верному замечанию Л.А. Мусаеляна, «основанием структуры формации выступает структура человеческой сущности. Различные уровни человеческой сущности проявляются как важные структурные компоненты общественно-экономической формации» [4, с. 337].

«Исходным моментом и базовым уровнем познания и объяснения конкретно-исторического типа общества и его структуры у Маркса выступает социальная субстанция или, иначе, производительные силы», – пишет Л.А. Мусаелян, – ... по Марксу, структура общественно-экономической формации есть функциональное выражение развития человеческой сущности. ...Иначе, человек является ключом к пониманию общества. Поэтому как при изучении человека они начинают с его базовой сущностной силы – труда, так и при объяснении общественно-экономической формации – с материального производства» [4, с. 338–339].

Следовательно, *при анализе субъекта исторического процесса* следует начинать с *анализа производительных сил*, прежде всего, с *качества рабочей силы*, то есть с исследования *способности человека к материальному труду*, которая определяет собой остальные «ярусы» сущностных сил.

Уже в ранних работах Маркс указывает на определенные ступени развития труда – труд по необходимости, труд как средство поддержания человеческой жизни и труд как свободная созидательная деятельность универсально развитого человека. Этим ступеням развития труда соответствуют исторические типы индивидов как субъекты исторического процесса. Причем марксизм, как было указано ранее, рассматривает этих индивидов не изолированно, не в отрыве друг от друга, а через анализ тех

объективных отношений, в которые они вступают в ходе истории, то есть производственных отношений.

С точки зрения Маркса, люди всегда суть *субъекты истории*. Маркс подчеркивал *неразрывное единство совокупности общественных отношений и деятельности субъектов*. Разумеется, общественная структура оказывает влияние на людей, определяет направления их деятельности как субъектов. В письме к П.В. Анненкову Маркс писал, что каждое поколение унаследует от старого производительные силы, которые служат базой для нового производства, являются объективной основой преобразующей деятельности людей. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества», – писал Маркс в упомянутом письме к П.В. Анненкову [3, с. 550]. И далее: «Излишне добавлять к этому, что люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, потому, что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы – это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколения. Благодаря тому простому факту, что каждое поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, – благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а, следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность» [3, с. 550–551].

Производственные отношения, таким образом, сами являются результатом материальной деятельности людей как главного элемента производительных сил. Таким образом, за понятиями «производительные силы» и «производственные отношения» стоят сами люди как *субъекты и творцы собственной истории*.

Следовательно, диалектическое единство производительных сил и производственных отношений необходимо учитывать при анализе *субъекта исторического процесса*. Понятие общественно-экономической формации является конкретизацией понятия общества вообще. Общественно-экономическая формация – это общество на определенном этапе развития сущностных сил человека как субъекта истории. Однако понятие «человек как субъект истории» – также абстракция. Представление об общественно-экономических формациях позволяет далее *конкретизировать понятие субъекта истории* – мы можем говорить о *различных типах субъектов*, в зависимости от того, о какой формации идет речь. Известно, что Маркс в ранних работах выделял первичную, вторичную и третичную формации или первобытное коммунистическое общество, антагонистическое общество и подлинный коммунизм. Периодизация формаций была далее переосмыслена Марксом на основе конкретно-всеобщего подхода и предстала как пятичленное деление истории, включающее в качестве ступеней рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формацию. Эти формации различаются, прежде всего, уровнем развития сущностных сил человека, и соответственно, уровнем развития производительных сил (отражающих собственно способность человека к труду) и характером производственных отношений, которые, в свою очередь, определяют различные уровни надстройки, включая формы общественного сознания.

По сути, каждая формация, включающая и базис, и надстройку, суть *отражение субъекта истории* – его жизни (общественного бытия), взглядов (как способов отражения общественного бытия в различных формах общественного сознания), отношений между людьми (производственных, семейных и других).

Однако *субъект той или иной формации* раскрывается, прежде всего, через анализ фундамента формации – способа производства, основу которого, как было показано выше, составляет, прежде всего, сама человеческая сущность.

Анализ *производительных сил* и, прежде всего, *способности человека к труду*, а также *производственных отношений* и, прежде всего, *отношений собственности* составляет, по нашему мнению, основу для анализа субъекта формации, исходя из логики марксистской методологии.

Литература

1. Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия. Пермь, 2002.
2. Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Часть 2. Пермь, 2008.
3. Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1979.
4. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2011.
5. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006.

6. Патырбаева К.В. Онтологические основания человека как субъекта истории (всеобщая концепция субстанции исторического процесса) // Вестник гуманитарного научного образования. – 2012. – № 6 (20). – С. 11–14.

7. Патырбаева К.В., Мазур Е.Ю., Патырбаева М.И. Категория «субъект» в субъектно-деятельностном подходе в отечественной психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 5 (18). С. 30–37.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

КАТЕГОРИЯ «НАРОДНЫЕ МАССЫ» В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ АНАЛИЗЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Как было показано выше, исходным принципом марксизма в решении вопроса о субъекте истории является признание общественно-исторической практики как производственной и преобразовательной деятельности людей. Этот принцип позволил рассмотреть развитие общества как объективный процесс закономерной смены общественно-экономических формаций.

Анализ объективной диалектики социального развития потребовал выделения таких форм деятельности, которые являются основополагающими. Решение данной проблемы стало методологической основой выявления реальных носителей этих форм деятельности.

Марксизм показал, что подлинной основой развития человеческой истории является трудовая деятельность, протекающая объективно как жизнедеятельность, как общественный процесс, в ходе которого возникают характерные производительные силы с присущим им человеческим компонентом, складываются определенные производственные отношения между людьми.

Это, в свою очередь, означало и признание того, что *реальной движущей силой социального прогресса являются трудящиеся классы как главные производительные силы общества*. «На всех ступенях общественного развития ядром, основой народа, его большинством являются трудящиеся массы – главная производительная сила общества», – писал В.И. Ленин.¹

Понятие «народные массы» конкретизирует, уточняет понимание субъекта исторического процесса в марксизме. Использование этого понятия поворачивает проблему субъекта истории новым ракурсом, а именно через постановку и ответ на вопрос, интересовавший философию с давних времен, о роли и значении выдающихся личностей в истории.

---

¹ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 536.

В предшествующей марксизму философии господствовал взгляд, согласно которому историю творят отдельные выдающиеся личности: герои, короли, полководцы, законодатели, изобретатели, ученые, философы. Народные массы рассматривались, по сути, лишь как объект деятельности этих выдающихся личностей или как слепое орудие «мирового духа», «божественного провидения», а не как самостоятельный субъект исторического действия. Гносеологические корни этого взгляда – в идеалистическом понимании истории, усматривающем коренную причину и определяющую движущую силу истории общества в идеях, а не в условиях материальной жизни людей, не в развитии способов производства. В основе подобных взглядов – очевидный факт, что идеи направляют деятельность идей, за которым скрыт более глубокий пласт, объясняющий, откуда берутся сами эти идеи.

Марксизм же показал, что идеи, теории, взгляды сами являются порождением и отражением материальных условий жизни людей. Согласно марксизму, ключ к пониманию условий жизни и деятельности людей, народных масс надо искать в изменении способов производства материальных благ, а не в сознании людей, не в прогрессе знаний. Прогресс знаний сам обусловлен и определяется развитием материального общественного производства. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».²

Согласно философии марксизма, жизнь общества – это бытие всей совокупности индивидов, массы людей, поэтому и решающая роль в жизни общества принадлежит не отдельным индивидам, а всей их совокупности.

Традиционно термины «народ», «народные массы» в марксистской литературе используются для обозначения основной массы людей всякого общества.³ Народные массы в марксизме – это, прежде всего, те *социальные группы, которые заняты производительным материальным трудом.*

В неантагонистических обществах это все население. По верному замечанию Г.К. Ашина, «для первобытнообщинного строя, в котором не было классового деления, термины “население” и “народные массы” не различаются: род и племя – эти этнические единицы представляли собой и социальную целостность»⁴.

В классовых обществах понятие народные массы приобретает классовый характер. Поскольку в классовых обществах, основанных на разделении на умственный и физический труд, непосредственно материальным трудом занимается только часть людей (эксплуатируемый класс), в таких обществах понятие «народные массы» носит классовый характер, а понятия «народ» и «народные массы» не совпадают.

В классовых обществах единый субъект человечества разделяется, дифференцируется на субъекты более частного порядка – классы, отличающиеся друг от друга по экономическому положению: по отношению

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. 1935. С. 322.

³ См. напр.: Роль народных масс и личности в истории. М., 1957.

⁴ Ашин Г.К. Роль народных масс и личности в истории. М., 1967. С. 36.

к средствам производства, по источникам дохода, по своим экономическим и политическим интересам, целям и устремлениям. Борьба классов представляет собой, согласно марксизму, источник исторического прогресса. В таких (антагонистических) обществах массы – это трудящаяся и эксплуатируемая часть населения, занятая производительным материальным трудом. В рабовладельческом обществе народ – это, прежде всего, рабы и свободнорожденные плебеи, в феодальном обществе – крестьяне и ремесленники, в капиталистическом обществе – это пролетариат. Известно, что марксизм «делал ставку» именно на историческую роль пролетариата, наделяя пролетариат статусом субъекта истории.

Как отмечали советские философы, категория «народные массы» является необходимой в философии марксизма именно «для вычленения субъекта истории в классовых антагонистических формациях»⁵.

Иными словами, понятие «народные массы» необходимо для конкретно-исторического анализа субъекта истории. Субъектом истории в марксизме, как говорилось выше, являются *люди*. Однако это слишком общее положение. «Совпадают ли понятия “общество” и “субъект истории”?» – задается вопросом Г.К. Ашин и отвечает на него: «Да, совпадают (по объему) в обществе социально однородном, все члены которого связаны единством интересов и действуют в одном направлении. Нет, не совпадают в классово дифференцированных социальных структурах, ибо интересы различных членов общества различны и порой противоположны; в соответствии с этим они действуют в разных, порой противоположных направлениях. В результате оказывается, что история развивается по равнодействующей всех различно направленных сил. История антагонистических формаций есть результат борьбы классов. Но можно ли считать творцами истории все классы, участвующие в борьбе? Реакционные, отживающие классы, действующие в направлении, противоположном объективным потребностям общества, являются не творцом, а скорее тормозом истории. Творят же историю те классы и социальные группы, интересы которых совпадают с объективными потребностями общественного развития. ...Решающая роль в историческом процессе принадлежит народным массам»⁶.

Таким образом, *народные массы* в марксизме – это непосредственные носители способности к труду, рабочей силы определенного уровня, характерной для данного этапа исторического развития (общественно-экономической формации), что закономерно вытекает из предшествующих пунктов философии марксизма, проанализированных выше. Как верно отмечают авторы научного труда советских времен «Роль народных масс и личности в истории», «к понятию “народ” надо подходить *конкретно-исторически*, учитывая, на какой ступени развития общества находится та

---

⁵ Ашин Г.К. Указ. Соч. С. 36. См. также: Каммари М.Д. Народ – творец истории. М., 1954; Роль народных масс и личности в истории. М., 1957; Большухин А.А. О роли народных масс и личности в истории. М., 1955; Беляева Г.Ф., Николаева Л.В. Народные массы и личности как объективная сила и субъект исторического процесса. М., 1985.

⁶ Ашин Г.К. Указ. Соч. С. 36–37.

или иная страна, из каких классов состоит ее население, в какой обстановке живет и борется, какие задачи решает его основная масса».⁷ В таком же ключе определяют понятие «народные массы», Г.Ф. Беляева и Л.В. Николаева: «Народные массы, – пишут они, – это такая конкретно-историческая система классов и социальных групп, которая в соответствии со своим объективным положением в системе общественного производства и общественных отношений реализует возвышающиеся потребности общественного развития, обеспечивает его прогрессивную направленность».⁸

Часто марксизм обвиняют в том, что он умаляет роль и значение личности, растворяя ее в массе. По нашему мнению, с подобными оценками согласиться нельзя, поскольку марксизм, скорее, ставит и решает проблему выдающейся личности и ее влияния на историю, учитывая диалектику личного и общественного, субъективного и объективного. Конечно, история складывается из деятельности личностей, но вопрос в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех.

Доказательство решающей роли народных масс в истории и включенных в их действие личностей потребовало выявления жизненно необходимых стимулов деятельности. Энгельс писал: «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, – осознано ли это или, как бывает очень часто, не осознано, – и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам».⁹

Такие побудительные силы сосредоточены в социальных потребностях. В интересах людей, основа которых лежит в «царстве экономики». Социальная потребность объективна – это необходимость, нужда, вызывающая неодолимое специфическое человеческое влечение и его удовлетворение. Люди «делают историю», удовлетворяя свои жизненные, экономические потребности. Как писали классики марксизма: «... Первый исторический акт это – производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое необходимое условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно – уже для одного того, чтобы люди могли жить. ...Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие

---

⁷ Роль народных масс и личности в истории. С. 34.

⁸ Беляева Г.Ф., Николаева Л.В. Народные массы и личность как объективная сила и субъекты исторического процесса. М., 1985. С. 90.

⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307 – 308.

удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом».¹⁰

На основании материальных потребностей возникают потребности в других сферах. Рост потребностей отражает открытый марксизмом закон возрастания потребностей. Потребности конкретизируются в социальных интересах, под которыми понимается детерминированная через условия конкретного бытия людей более или менее постоянная их устремленность. В обществе, основанном на частной собственности, интересы принимают классовое содержание. Прогрессивные общественные интересы, соответствующие общим потребностям исторического развития, согласно марксизму, и выражает народ.

Таким образом, понятие «народные массы» в социальной философии марксизма позволяет конкретизировать понятие субъект исторического процесса. *Субъектом истории, его движущей силой являются люди, выступающие в качестве народной массы как центральный момент производительных сил, как носители способности к труду (рабочей силы), соответствующей потребностям исторически определенного этапа развития общества. Поскольку именно труд является главной сущностной силой человека и субстанцией человеческой истории, то именно сами трудящиеся, реализующую эту способность к труду, выступают центральным субъектом истории.*

«Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся», – указывал В.И. Ленин.¹¹ Труд, производственная деятельность – способ существования человечества; постоянная трудовая деятельность народных масс, обеспечивающая общество всем необходимым, является основой общественного развития. Процесс материального производства, как показала философия марксизма, – это и есть исторически обусловленный процесс трудовой деятельности народных масс. С позиций исторического материализма, история – это не история героев, государей, полководцев и дипломатов, а, прежде всего, история трудящихся масс. Только благодаря производительному материальному труду могут развиваться все остальные сферы человеческой деятельности – наука, техника, искусство. Определяющая роль материального производства в общественном развитии и воплощается в решающей роли народных масс в историческом процессе.

Это заключение логично следует из всей философии марксизма. Труд, как доказал Ф. Энгельс, в известном смысле создал самого человека. Только благодаря труду, по словам Энгельса, «человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»¹². Чем более сложным становился труд, тем больше становилась потребность в общении. Этим вызвано и развитие речи, языка. В процессе труда совершенствовались не только естественные органы и способности

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 26 – 27.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

¹² Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1955. С. 133.

человека – его руки, органы чувств, мозг, его речь и мышление, но развивались и его искусственные «органы» – орудия труда, развивалась техника и наука. В процессе труда люди в течение веков и тысячелетий довели развитие своих производительных сил до современного уровня, создали материальную и духовную культуру. Из этого марксизм заключает, что *история общества и есть, прежде всего, история труда и трудящихся масс.*

Литература:

1. Ашин Г.К. Роль народных масс и личности в истории. М., 1967. С. 36.
2. Беляева Г.Ф., Николаева Л.В. Народные массы и личности как объективная сила и субъект исторического процесса. М., 1985.
3. Большухин А.А. О роли народных масс и личности в истории. М., 1955;
4. Каммари М.Д. Народ – творец истории. М., 1954;
5. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 536.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. 1935. С. 322.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 26 – 27.
9. Роль народных масс и личности в истории. М., 1957.
10. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1955. С. 133.
11. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307 – 308.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СУБЪЕКТ ИСТОРИИ В МАРКСИЗМЕ И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Данная статья служит обобщением базовых положений классического и современного марксизма в отношении человека, общества, истории *в единую схему*, способную послужить далее *методологической опорой в анализе субъекта истории на постиндустриальном этапе развития.*

Согласно современному варианту марксизма (научной философии), всеобщая и социологическая концепция человека и общества тесно связаны друг с другом. Человек рассматривается как результат бесконечного развития материи, причем, как особая – социальная – форма материи; благодаря наличию высшей формы материальной активности – трудовой преобразовательной деятельности, – человек находится в практическом отношении к миру и самому себе; постоянно производя собственное бытие из наличных природных условий, человек творит собственную жизнь и свою историю.

Онтологическое основание человека как субъекта – развитие материального мира как единого закономерного мирового процесса, на определенном этапе породившего человека, способного к сознательной целесообразной активности. Труд и другие виды деятельности, направленные на преобразование мира и себя, позволяют назвать человека *подлинным и единственным субъектом исторического процесса*.

В отличие от философских концепций прошлого, которые полагали главным признаком *специфической субъектной активности* сознательность, разумность человека, наличие смысла в его действиях, философия марксизма дала убедительное обоснование того, что сознание и, следовательно, активность, связанная с сознательной деятельностью, сама является производной от активности материальной, а именно, от производственной, трудовой деятельности. Этот момент позволяет увидеть *онтологическое основание субъекта*, «вывести» становление субъекта истории из последовательного развития материального мира как единого закономерного мирового процесса [Подробнее см.: 12].

В силу закономерностей развития материи, в человеке интегрировано и аккумулировано всеобщее содержание предшествующих ступеней, в результате чего, *человек оказывается носителем основных свойств материи в универсальной форме [4]*. Универсальность человека проявляется в *способе его существования*. В отличие от предшествующих форм материи, которые существовали либо непосредственно, либо путем приспособления к среде, человек существует универсальным способом – он преобразует среду, нижележащие формы материи, доразвивая нереализованные в предшествующем процессе развития возможности материи. В то же время, в процессе труда человек постоянно производит и воспроизводит себя из окружающей его природной среды. Субстанциональность материи – быть причиной самой себя, быть источником своего развития – реализуется с появлением человека во всей своей полноте.

Согласно Марксу, важной особенностью человека как социальной субстанции является то, что он способен порождать и воспроизводить не только самого себя, но и все другое, развертывая и обнаруживая в этом другом свою субстанциональную сущность. В отличие от животного, которое производит только самого себя, «человек воспроизводит всю природу», «по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую ему мерку». Труд в этом смысле является потенциально бесконечным и содержит в себе возможность и необходимость бесконечного существования человека, бесконечной и неисчерпаемой человеческой сущности.

По верной оценке Г.С. Григорьева, человеческое в человеке есть продукт исторического развития именно как *субъекта активной, преобразующей сознательной деятельности, как единственного истинного субъекта труда*. В своей трудовой деятельности, видоизменяя вещество природы, человек утверждает себя в качестве субъекта – властелина и царя природы [5, С. 159]. Разумеется, существуют *различные виды субъектной активности человека* – человек выступает и как субъект познания, и как субъект общения;

субъектная активность человека проявляется в социальной и политической сферах и т.д. Важно понимать, что марксизм не игнорирует и не отрицает разнообразия субъектной активности человека, проявляющейся в различных видах деятельности. Суть в том, что марксизм задает *определенную иерархию различных видов деятельности* (что не обнаружилось в субъектно-деятельностном подходе в психологии [14]), где *способность человека к материальному труду* рассматривается как первичная способность, определяющая возможность формирования других видов человеческой деятельности.

В данном аспекте определенным эвристическим потенциалом обладает понятие «сущностные силы», используемое как в классическом марксизме, так и в современном его варианте. Понятие сущностных сил *позволяет выделить ключевые для человека виды субъектной активности – труд, сознание, общение, – а также такие важные субъектные свойства как коллективность и индивидуальность, свобода и ответственность* и пр.

В связи с этим, анализ сущностных сил человека является, по нашему мнению, важным моментом при анализе субъекта общества и истории. Представление об иерархии (ярусах) сущностных сил позволяет выделить наиболее важные виды субъектной активности человека (человек как субъект труда, человек как субъект мышления и познания, человек как субъект общения), а всеобщая концепция человека и общества обосновывает приоритетность трудовой активности перед всеми остальными.

По нашему мнению, говоря о субъекте, следует различать понятия «субъектность, субъектное» и «субъективность, субъективное». Термины «субъектность», «субъектное» обозначают то, что относится к субъекту, принадлежит субъекту. Субъектными свойствами человека будут, прежде всего, его сущностные силы – его способность к труду, наличие сознания, способность к общению, его потребности. Поскольку все люди, как представители рода *homo sapiens* данными свойствами обладают, эти субъектные свойства выступают по отношению к человеку как объективные, обязательно наличествующие. При этом, говоря о субъекте, мы не исключаем объективные условия его деятельности (природные, конкретно-исторические), в связи с чем, и сама активность человека не может быть чисто субъективной (точнее, субъективистской) не учитывающей объективно данные условия человеческого бытия. «Субъективное» – также то, что принадлежит субъекту. Однако часто понятие субъективное относят для фиксации индивидуальных особенностей человека, его внутреннего мира, содержания сознания. Субъективное – то, что остается в сознании человека за вычетом объективного содержания, заимствованного, отраженного из внешнего мира. Иногда также «субъективное» рассматривается как тождественное понятиям «неадекватное», «субъективистское» и в этом плане несет на себе негативный оттенок. Об опасности такого понимания субъекта предупреждал, например, А.В. Брушлинский [3, с. 22]. В связи с этим, мы предпочитаем термин «субъектный» для обозначения целостных всех качеств человека как социального субъекта и субъекта собственной истории.

Далее следует остановиться на понятии *активности*. В принципе, можно согласиться с субъектно-деятельностным подходом в психологии, что активность – важнейшая субъектная составляющая. Активность входит в содержание понятия «субъект», поскольку субъектом можно быть по отношению к чему-то или кому-то как объекту. Отношение субъекта к объекту и выражается категорией активности. При этом часто, чтобы подчеркнуть специфически человеческий вид активности, используют понятие «деятельность». Различение понятий «активность» и «деятельность», в целом, имеет определенный смысл. Понятие «активность» является более широким, нежели понятие «деятельность». Активностью обладает материя в целом (движение – атрибут материи), деятельность же может совершать человек как социальная материя. Деятельность при этом предполагает сознательность, целесообразность (то есть задействование различных сущностных сил человека). В настоящей работе автор использует понятия «активность» и «деятельность» как взаимозаменяемые.

В онтологическом плане важнейшим субъектным видом человеческой активности, как было отмечено выше, является преобразовательная деятельность, материальный труд. Однако в обществе, как известно, существуют различные виды человеческой активности – политическая и законотворческая деятельность; бытовая активность; художественное творчество и пр. Разумеется, через данные виды деятельности *человек также реализует себя как субъект социального бытия*.

Значительным эвристическим потенциалом, который также можно использовать при анализе социального субъекта и субъекта истории обладает понятие *общественно-экономической формации*. Оно позволяет перейти от понятия «общество вообще» к понятию «общество на определенном этапе развития» и выделить определенные структурные элементы общества (базис и надстройка).

В современной литературе общественно-экономическую формацию часто определяют:

- как «общество на определенной ступени развития» [4, с. 183];
- как «исторически определенный этап развития общества (людей в их отношениях друг к другу), исторически определенный этап развития общественного бытия и общественного сознания, которые являются содержанием базиса и надстройки» [6, с. 312];
- как «определенный тип общества, цельную социальную систему, функционирующую и развивающуюся по своим специфическим законам, обусловленным данным способом производства» [10, с. 328];
- как людей, «исторически определенным образом материально и духовно производящих собственную жизнь, людей, достигших определенного исторического этапа собственного развития» [6, с. 312].

Последнее определение наиболее удачно в том плане, что отражает субъектную составляющую истории, указывая, что общественно-экономическая формация – это, в конечном счете, определенная ступень развития субъекта исторического процесса. В связи с этим, можно говорить

об определенной *типологии субъектов исторического процесса* – конкретно-исторических типах субъектов, которые будут отличаться друг от друга *уровнем развития производительных сил* и исторически определенными *производственными отношениями*.

Используя понятие общественно-экономической формации, можно выделить следующие *виды субъектной активности*:

1) *активность, относящаяся к способу производства, включая экономический базис общества* (трудовая деятельность, производственные отношения между людьми);

2) *активность, относящаяся к надстроечным видам деятельности* (политическая активность, законотворческая деятельность; занятия наукой, искусством, философией; деятельность в образовании, здравоохранении, в креативном секторе экономики и пр.).

В данных видах активности воплощаются сущностные силы человека, которые, как показано Л.А. Мусаеляном, и лежат в основе общественно-экономической формации [10].

Выделение активности, относящейся к способу производства, и надстроечных типов активности позволяет рассмотреть человека как субъекта общества и истории конкретно-историческим способом. Кроме того, в данном случае находят отражение структурные особенности общества (сама структура общества является следствием субъектной активности человека).

Активность, относящаяся к способу производства, и надстроечные типы активности соотносятся друг с другом как первичные и вторичные. В ракурсе развития всего человеческого общества приоритетным, первичным будет первый вид активности – активность, относящаяся к способу производства, включающую собственно материальную преобразовательную деятельность людей и производственные отношения. Активность, относящаяся к надстроечным видам деятельности, является вторичной, производной от первой, хотя и обладает относительной самостоятельностью. Полагаем, в отношении этих видов активности действуют схожие закономерности, что в отношении базиса и надстройки.

Предлагаем выделить следующие закономерности, исходя из логики марксизма:

- производственная активность субъектов порождает виды активности, связанных с надстроечной деятельностью;
- производственная активность субъектов создает материальные средства для реализации надстроечных видов активности (инструменты для занятий искусством, приборы для научной деятельности, техническое обеспечение для работы в образовании и медицине и пр.);
- надстроечные виды активности зависят от производственной активности – изменения в производственной активности влекут изменения в надстроечной активности;
- надстроечные виды активности отражают специфику производственной активности;

- надстроечные виды активности обладают относительной самостоятельностью и имеют также собственные источники развития.

В связи с вышесказанным, анализ субъекта общества и истории должен предполагать, во-первых, анализ как производственной активности – производительных сил (способности к труду и специфики ее реализации) и производственных отношений, а во-вторых, проследить взаимосвязь и выявить специфику надстроечных видов активности субъекта. Так, в анализе капиталистического общества и пролетариата как его субъекта К. Маркс не только раскрыл *специфику производственной активности пролетариата*, но, далее, пытался доказать, что *политическая активность и политическая роль пролетариата* является следствием социально-экономического положения пролетариата.

Как классический марксизм, так и его современный вариант (научная философия) настаивают на методологическом требовании конкретно-исторического подхода к человеку и обществу. Материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса начинается с определения предпосылок истории, которыми являются действительные человеческие индивиды, которые, однако, не должны быть абстрактными, изолированными друг от друга. Напротив, это индивиды, находящиеся друг с другом в определенных социальных отношениях (базовыми из которых будут производственные отношения, отношения собственности).

Следуя логике марксизма, *предлагается понимать под субъектом истории конкретно-исторических индивидов (группы индивидов), определенным образом занимающихся производственной деятельностью, состоящих в определенных производственных, политических и других отношениях.* Понятие «народные массы» конкретизирует, уточняет понимание субъекта исторического процесса в марксизм, позволяя дать материалистический ответ на вопрос о роли народных масс и личности в истории. Таким образом, понятие «субъект истории» может быть уточнено далее с учетом использования понятия «народные массы». С учетом этого, было предлагается еще одно определение субъекта истории. *Субъектом истории, его движущей силой, являются люди, выступающие в качестве народной массы как центральный момент производительных сил, как носители способности к труду (рабочей силы), соответствующей потребностям исторически определенного этапа развития общества.* Поскольку именно труд является главной сущностной силой человека и субстанцией человеческой истории, то именно *сами трудящиеся, реализующую эту способность к труду, выступают центральным субъектом истории.* Причем понятия «народные массы» и «население» совпадают, согласно марксизму, лишь в неантагонистических обществах, тогда как в классовых обществах народные массы – это трудящаяся и эксплуатируемая часть населения [1, 15]. В капиталистическом обществе народные массы совпадают, по сути, с классом пролетариев. При этом известно, что марксизм «делал ставку» именно на историческую роль пролетариата, наделяя пролетариат *статусом субъекта истории.* Маркс в работах различных

периодов и, в особенности, в «Капитале» рассматривал пролетариат как субъекта капиталистического общества индустриального типа. В его исследовании пролетариата присутствуют следующие моменты:

- Анализ пролетариата как субъекта машинного труда и носителя сущностных сил соответствующего уровня, прежде всего, способности к труду;
- Изучение экономического характера пролетариата, показавшего, что пролетарий на капиталистическом рынке труда является, прежде всего, носителем товара «рабочая сила» и субъектом абстрактного труда, лежащего в основе стоимостного рыночного отношения и создающего прибавочную стоимость, представляющую собой неоплаченный труд рабочего, который и подвергается эксплуатации капиталистом;
- Анализ проблемы отчуждения (в его различных аспектах) как следствие экономического положения пролетариата;
- Выделение особой (всемирно-исторической) роли пролетариата в условиях капитализма. Маркс полагал, что превращение пролетариата из «класса-в-себе» в «класс-для-себя» (которое является следствием ухудшения экономического положения пролетариата и роста его самосознания) делает его тем классом, который, совершив социалистическую революцию, будет способен освободить все общество от эксплуатации и построить общество нового типа – коммунистическую общественно-экономическую формацию. Через социалистическую революцию и революционные преобразования общества пролетариат и должен был утвердить себя как подлинный субъект истории.

Известно, что «проект» построения коммунистического общества в Советском Союзе потерпел неудачу. Означает ли это историческую несостоятельность марксистской концепции в целом? Означает ли невозможность осуществления социалистической революции в том виде, как ее представлял Маркс, сегодня неактуальность марксизма как теоретического и методологического конструкта в целом?

По нашему мнению, крах СССР в 90-х гг. прошлого века связан, прежде всего, с определенными ошибками в государственном управлении, а не с марксизмом как теоретическим конструктом. Хотя, это отдельный вопрос научного анализа, к которому следует обращаться в отдельной работе.

Что касается пролетарской революции как перехода общества к принципиально новому состоянию – это лишь один из «сценариев». В.В. Орлов, например, говорит о главном – «третьем сценарии Маркса», незамеченном многими исследователями (например, Д. Беллом) [11]. Этот третий сценарий связан с развитием труда – формированием всеобщего материального труда. Понятие всеобщего труда было введено К. Марксом и определено в наиболее общем виде. Концепция всеобщего труда в классическом марксизме осталась не развернутой. Современный марксизм – научная философия, разрабатываемая Пермской университетской школой философии, делает особый акцент и видит перспективы развития марксистской концепции именно через исследование феномена всеобщего

труда. Также Пермская школа обращает внимание, что теория постиндустриального общества и формационная концепция не противоречат друг другу, а лишь представляют собой два различных уровня описания общества – феноменологический и сущностный. Следовательно, они способны взаимно обогащать друг друга.

Всеобщий труд часто не принимается исследователями во внимание, или же ему даются ограниченные трактовки как *труда всех* в обществе или же, как *нематериальной, духовной деятельности* [2, 16]. Хотя более правильно сказать, что всеобщий труд представляет собой проявление всеобщих творческих сил человека, благодаря которым человек становится способным использовать новые мощные силы природы на научной основе. Всестороннее развитие сущностных сил человека как субъекта всеобщего труда проявляется, прежде всего, в развитии способностей – практическом освоении закономерностей всех известных форм движения материи и преобразовании их в технологию производства [13]. По Марксу, всеобщий труд представляет собой процесс по управлению «всеми силами природы». Становление всеобщего труда началось с середины XX века, что в технологическом плане проявилось, прежде всего, в развитии автоматизации и компьютеризации. Всеобщий труд предполагает принципиально новый уровень развития сущностных сил человека, а значит, и новый субъект труда (и как следствие, субъект социума и истории). Этот субъект будет отличаться от промышленного пролетариата XIX века, который описывал Маркс.

Новейшие концепции общества, в частности, теории развитого индустриального общества, теории постиндустриального общества часто указывают на «смерть рабочего класса», снижение численности пролетариата («синих воротничков»), все возрастающее число рабочих в «белых воротничках», а так же класса техников и профессионалов. В качестве одного из тезисов известна также идея нивелирования классовых противоречий и соответственно классовой борьбы как движущей силы развития общества.

Означает ли это ошибку марксизма, сформулировавшего идею, что движущей силой истории являются народные массы? Исчезают ли народные массы вместе с уходом с исторической арены традиционного (промышленного, индустриального) пролетариата? По нашему мнению, оснований для подобных выводов нет. Еще раз уточним, что понятие «народные массы» в марксизме понимается широко. Это понятие не тождественно ни понятию «классы», ни понятию «пролетариат». Народные массы – это трудящиеся, носители способности к материальному труду как высшей формы материальной активности, которой обладает человек как социальная форма материя, как субъект, результат и цель собственной истории. Понятие «народные массы» носят классовый характер только в классовых обществах и совпадают с пролетариатом в условиях промышленного капитализма (индустриального общества).

Развитие капиталистического общества и рождение из его недр нового социально-экономического строя, появление которого описывали различные концепции, начиная с середины XX века, на самом деле, обусловлено

дальнейшим развитием материального производства – формированием всеобщего (научного, автоматизированного) труда. Соответственно, новый тип труда предполагает и новый субъект труда, производительные силы нового качества и соответствующие новые производственные отношения. *Народные массы как трудящиеся, как носители материальной преобразовательной активности сохраняются* (более того, согласно закону возрастания народных масс в истории, сформулированному Марксом и Энгельсом в работе «Святое семейство» активность народных масс должна возрастать).

Промышленный пролетариат как субъект машинного труда индустриального типа уходит в прошлое, однако, на его место приходит *рабочий нового типа – субъект всеобщего труда*, который, по нашему мнению, и есть *субъект постиндустриального общества*. Исследование его производственной активности (относящейся к базису) и надстроечных типов активности должно составить, по нашему мнению, магистральное направление исследований субъекта постиндустриального общества.

На наш взгляд, марксизм является достаточно универсальной в плане описания социума и его субъекта концепцией. Используемый терминологический аппарат – «субъект», «социальная материя», «сущностные силы человека», «активность», «материальный труд», «производительные силы и производственные отношения», «собственность», «народные массы», «классы» – может быть использован для описания общества на различных этапах развития. Имея всеобщее содержание, эти понятия на различных этапах развития общества приобретают конкретно-историческое значение.

Исходным фундаментом анализа социума и индивида является понятие сущностных сил, носителями которых являются любые индивиды любой эпохи. Познание специфики развития сущностных сил, степени соответствия родовой и индивидуальной сущности человека, позволяет постигать особенности общества и его субъектов в различных исторических условиях.

Поскольку центральным компонентом сущностных сил человека выступает материальный труд, то анализ субъекта той или иной исторической эпохи, по логике марксизма, *должен начинаться именно с анализа способности к труду*. Как показано выше, согласно марксизму, именно труд определяет способ производства, представляющий собой единство производительных сил и производственных отношений. *Именно материальная трудовая деятельность является главным субъектным типом активности – активностью, относящейся к способу производства как фундаменту общественно-экономической формации*. Соответственно, анализ субъекта постиндустриального общества должен исходить из исследования формирующегося всеобщего типа труда, носителем способности к которому и выступает *субъект нового типа*.

Анализ способности к труду должен дополняться также определением специфики средств производства, в частности орудий труда и технологии производства, как вещественного элемента производительных сил, поскольку

они являются отражением способности человека к труду, своеобразным «мерилом» развития человеческой сущности.

Производственные отношения как экономический базис формации и, в первую очередь, *отношения собственности* являются также отражением уровня развития материального производства и, соответственно, субъектной материальной активности, а, значит, также должны исследоваться при анализе субъекта той или иной исторической эпохи. Если речь идет об антагонистическом обществе, расколотом на классы, необходимо определиться с тем, что это за классы как социальные субъекты. Из них производящий класс, занятый материальной производственной деятельностью, будет составлять главную движущую силу общества и истории. Если традиционный промышленный пролетариат «ушел в прошлое», как верно заметили исследователи нового индустриального общества, то следует ответить на вопрос: *кто сегодня является главным производителем и какими особенностями он обладает?*

Помимо исследования субъектной активности, относящейся к способу производству, необходимо при исследовании субъекта того или иного общества обратиться к надстроечным видам активности, прежде всего, к политической.

Интересным направлением познания субъекта новой эпохи является, по нашему мнению, изучение его субъектных особенностей в условиях повседневности.

Так, в целом, нам видятся возможности исследования субъекта формирующегося постиндустриального общества с позиций современного марксизма (научной философии).

Литература

1. Ашин Г.К. Роль народных масс и личности в истории. М., 1967.
2. Бессонов Б.Н. Человек. Пути формирования новой личности. М., 1988.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., 2003.
4. Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия. Пермь, 2002.
5. Григорьев Г.С. Труд – первая человеческая потребность. Пермь, 1965.
6. Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Часть II. Пермь, 2008.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Том 1. М., 1979.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Том 1. М., 1979.
10. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2011.
11. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006.
12. Патырбаева К.В. Онтологические основания человека как субъекта истории (всеобщая концепция субстанции исторического процесса) // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 6 (20). С. 11–14.
13. Патырбаева К.В. Особенности современной формы труда и работник нового типа. Пермь, 2006.

14. Патырбаева К.В., Мазур Е.Ю., Патырбаева М.И. Категория «субъект» в субъектно-деятельностном подходе в отечественной психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 5 (18). С. 30–37.
15. Роль народных масс и личности в истории. М., 1957.
16. Сиземская И.Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981.

РАЗДЕЛ 2. СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ (1950–1970-Е ГГ.)

Трансформации в социально-экономической сфере в первой половине XX века находят теоретическое осмысление в целом ряде концепций социально-философского характера, достаточно неоднородных по своему содержанию.

В 30–60-е гг. прошлого века начались решительные изменения в производственной сфере. Особенно явно были заметны технические и технологические новшества. По словам Н. Поляковой техника «ворвалась в жизнь в качестве совершенно новых возможностей для каждого человека»¹³.

Новые технические возможности радикальным образом изменили отношение к пространству и времени, создали новые коммуникативные системы отношений, новые типы поведения в трудовой сфере и в сферах быта и отдыха, сформировали новые типы потребления, новые рынки товаров. Радикальным образом изменилась сфера труда и производства. Появилась совершенно новая номенклатура товаров. Были созданы новые профессии, потребовавшие совершенно новой квалификации, значительно более высокой подготовки и высокого уровня технической компетенции.

Изменения в трудовой сфере повлекли за собой изменения в образе жизни, способе мышления индивида. Появились новые мотивационные механизмы, новые ценности.

---

¹³ Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 238

Соответственно, появилась потребность в новых концепциях философского и социологического характера, способных объяснить происходящее.

Социальные изменения, как казалось на первый взгляд, приводят к концу «трудового общества». Эйфория, вызванная ощущением того, что теперь человек освобождается от труда как тяжелой физической работы, приводит к появлению различного рода теорий «смерти труда», «смерти трудовой этики», ученые этого периода даже говорят об «аллергии к труду». Подобного рода теории, на наш взгляд, можно отнести к «кризисным теориям». Они появились на «сломе» старого общества, когда предпосылки нового экономического строя уже появились, но находятся еще в зачаточном, «свернутом состоянии». Эти теории в своеобразном виде отразили *кризис становления субъекта нового типа. Прежняя идентичность, детерминированная индустриальным способом ведения хозяйства, уже рушилась, а новая еще не сложилась.*

Одни из первых попыток осмысления трансформаций в производственной сфере и их влияние на человека, представлены в концепциях индустриального общества 50–70-х гг. прошлого века.

В данном аспекте интересны идеи Р. Блонера, Г. Маркузе, Г. Брейвермана, Г. Сэлмана и П. Томпсона, А. Горца. Работы данных авторов являются, по сути, неомарксистскими. Опираясь на базовые идеи Маркса, эти авторы пытаются пойти дальше, в частности, *пересматривается взгляд на субъект общества.* Однако сам подход к выделению субъекта общественного развития остается, по сути, марксистским. Субъектом является трудящийся класс как главный создатель материальных благ и носитель социального прогресса. Вопрос в том, как изменилась структура рабочего класса, кого мы можем относить к рабочему классу, и какими новыми качествами теперь он обладает? Именно в рамках данного направления была инициирована дискуссия по *проблеме границ рабочего класса.* Становилось очевидным, что рабочий класс претерпел существенные изменения по сравнению с XIX столетием, и причины этих изменений ученые искали, как и Маркс, в трудовой сфере.

В итоге появляются *«теории нового рабочего класса».* Суть этих концепций состоит в том, что *рабочий класс в развитых областях индустриального производства под влиянием процесса автоматизации претерпевает решительную трансформацию, наблюдается появление совершенно нового, качественно отличного по характеру своего труда, квалификации, психологическим и социальным характеристикам типа рабочего.*

Большую известность в дискуссии о новом рабочем классе получило ставшее классическим исследование Роберта Блонера. Он считал, что ситуация в сфере труда носит сложный и дифференцированный характер. Ключом к данным переменам он видел преобразования технологического характера. Он полагал, что современная ему технология очень неоднородна и в ней идет процесс структурной дифференциации. Различные отрасли

различаются между собой технологией, разделением труда, социальной организацией и экономической структурой. Главным из этих четырех факторов, определяющим все остальные, является, по Р. Блонеру, *технология*. Именно технология определяет тип и основные трудовые операции, тип и уровень рабочей силы, экономические и инженерные ресурсы.¹⁴

Р. Блонер рассмотрел влияние различных технологий на рабочего и его социальное и психологическое самочувствие, проведя исследование в печатной, текстильной, автомобильной, химической отраслях. Оказалось, что эти четыре отрасли отличались друг от друга не только по типу используемой технологии, но и представляли собой четыре последовательных типа ее развития. Так, печать имеет во многом уникальный, не стандартизированный характер производства и производимого продукта, низкий уровень механизации и тип труда, характерный для ремесленной технологии. Текстильное производство более высоко механизировано и стандартизировано, производственный процесс осуществляется рабочими, которые «руководят» машинами. Это машинная технология. Автомобильная промышленность – это конвейерная технология с присущей ей высоко рационализированной организацией труда, фрагментарным и низко квалифицированным трудом. Химическая промышленность характеризуется использованием непрерывного технологического процесса, полной автоматизацией. Это автоматизированная технология. Печать (ремесленная) и химическая (автоматизированная) промышленность представляют собою два противоположных исторических полюса развития технологии, машинная технология и конвейерная – промежуточные. В результате своего исследования Р. Блонер делает вывод, что различия в технологии определяют не только природу и характер труда, они обуславливают и различные психологические реакции у рабочих. Именно технология в различной степени определяет чувство беспомощности, ограниченности свободы и подконтрольности у рабочего. Как считает Р. Блонер, технологические факторы имеют громадное значение для чувства самоотчужденности, поскольку определяют ритм и скорость работы, ее результат и качество. Поскольку технология определяет размер предприятия, то, делает вывод Р. Блонер, ее следствием являются социальная атмосфера и социальная интеграция на предприятии, структура и форма социальных групп, дисциплина и тип контроля. Технология определяет также профессиональную и квалификационную структуру, возможности для социального продвижения и нормы социального взаимодействия.¹⁵

Р. Блонер предложил *теорию трех типов рабочего труда*. Развитие технологии и механизации приводит к сдвигу в требованиях, предъявляемых к рабочему. Ремесленные технологии характеризуются традиционным,

---

¹⁴ См.: Полякова Н.Л. Указ. соч.

¹⁵ См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

«ручным» умением, использованием простых ручных инструментов, тогда как при автоматизированной технологии рабочий не только не манипулирует руками производимым продуктом, но и не видит его. Его функцией являются контроль, наладка машин и фиксирование операций, производимых автоматизированной системой. Главное требование, предъявляемое к рабочему, – это уже не умение и мастерство, а *ответственность*. Вместо умелого рабочего появляется ответственный рабочий. Более того, парадоксальным (по мнению Р. Блонера) образом автоматизированное производство увеличивает традиционное мастерство и повышает квалификацию, которая основывается не на умении, физически реализуемом в производственном процессе, а на способности к принятию решения. Автоматизация ведет к возникновению квалификации нового качества, которая в совокупности с ответственностью порождает новое социальное качество и достоинство рабочего.¹⁶

Между этими двумя отраслями помещаются отрасли с машинной и конвейерной технологией. Для них характерны невысокие требования к мастерству и ответственности, и они являют собою зафиксированный процесс дисквалификации труда. «Сдвиг от мастерства к ответственности – наиболее важная историческая тенденция в эволюции труда рабочего. Относительный упадок квалификации и стандартизация труда, рассматриваемые в перспективе этого движения и в перспективе будущего, представляют собою позитивное явление», – считает Р. Блонер.¹⁷

Природа производственного труда при автоматизированной технологии создает возможность для рабочего удовлетворять свои личные и социальные нужды, самому определять ритм работы, что совершенно невозможно при машинной технологии, а тем более при конвейерном производстве.

И при машинной, и при конвейерной технологии рабочие имеют одинаково низкий уровень квалификации и одинаковую заработную плату. Относительное отсутствие профессиональной дифференциации по квалификации, статусу и ответственности создает индустриальное «массовое общество», в котором отсутствуют возможности для реального продвижения и карьеры, и имеется высокая степень социального отчуждения.

В автоматизированных отраслях ситуация иная. Автоматика требует рабочих с различной квалификацией и различным уровнем ответственности, а сам труд рабочих приближается к труду служащего или даже менеджера, она имеет изменчивый характер и состоит в ответственном контроле. Такие рабочие, по мнению Р. Блонера, максимально интегрированы в компанию, разделяют ее цели и ценности, минимально агрессивны, что обеспечивается также низким уровнем отчуждения.

Концепция Р. Блонера вызвала критику со стороны ряда социологов. Критика касалась тезиса, согласно которому автоматизация ведет к интеграции рабочего с предприятием, его целями и ценностями. В то же

---

¹⁶ См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 29

время идея появления нового типа квалификации, в основе которой лежит ответственность, нашла широкую поддержку¹⁸.

По нашему мнению, ценным в концепции Р. Блонера являются подмеченные им изменения в рабочей силе, появление *работника нового типа*. Одним из существенных свойств нового работника, согласно Р. Блонеру, являлась *ответственность*. Как показала история, с развитием автоматизированного труда значение квалификации работника, его ответственности только усиливаются. Однако Р. Блонер объяснял данные трансформации, исходя из типа технологии, а не из развития самого труда, в связи с чем, возникновение подобных качеств у работника расцениваются им как парадоксально появившиеся (то есть не *должны* возникнуть).

Об определенных изменениях рабочего класса в связи с внедрением автоматизации писал Г. Маркузе. Он выделил ряд факторов данной трансформации.

По его мнению, механизация и автоматизация во все увеличивающейся степени уменьшают количество и интенсивность затрачиваемой в труде физической энергии. В этом плане они действительно облегчают труд в чисто физическом смысле слова, но его изматывающее, отупляющее, нечеловеческое порабощение усиливается благодаря скорости трудовых операций, машинному контролю, причем не посредством готового произведенного продукта, а посредством жестокого алгоритма операций, изоляции их друг от друга. Постороннему наблюдателю за работой на конвейере может показаться, что совместная расчлененная работа приводит к появлению «нового общего климата», установлению более крепких солидаристских отношений. Но, отмечает Маркузе, это не так, поскольку технологическое единство не создает единства психологического. Рабочий расходует уже не столько свою физическую, сколько психическую и умственную энергию. Вместе с тем, Маркузе интересуется технологическое изменение, которое привело к исчезновению машины как индивидуального инструмента производства. Автоматизация, как считает Маркузе, качественно меняет отношение между мертвым и живым трудом. По его мнению, наступил момент, когда производительность определяется машинами, а не индивидуальной выработкой, причем само изменение индивидуальной выработки становится невозможным. Маркузе соглашается с Д. Беллом в том, что автоматизация в самом широком смысле кладет конец работе. Уже невозможно измерить вклад отдельного рабочего, измерению поддается только использование оборудования. Эти изменения в характере работы и инструментов производства, отмечает Маркузе, изменяют установки и сознание рабочего.¹⁹

По мнению Г. Маркузе, в развитии автоматизации присутствуют две противоположные тенденции. С одной стороны, налицо негативные черты автоматизации: интенсификация труда, технологическая безработица,

---

¹⁸ См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества.

¹⁹ См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда.

усиление позиций управленческого аппарата, увеличивающееся бессилие и смирение части рабочих, уменьшение возможностей вертикальной мобильности. С другой стороны, присутствует противоположная тенденция, особенности технологического процесса генерируют взаимозависимость и способствуют интеграции рабочих с местом их работы²⁰.

При этом Маркузе считает, что автоматизация несовместима с обществом, основывающемся на частной собственности и эксплуатации человеческого труда в процессе производства.²¹

Согласно Маркузе, уже К. Марксом были предвосхищены перспективы автоматизации. По мнению ученого, автоматизация разорвет цепи, привязывающие человека к машине, являющейся механизмом его порабощения, а полная автоматизация в сфере производства откроет свободное время как такое социальное измерение, в котором частное и социетальное человеческое существование будет само себя конструировать. Это будет означать переход к новой цивилизации.²²

Неомарксистское направление достаточно активно проявило себя в дискуссии о новом рабочем классе. В рамках этой дискуссии можно выделить две точки зрения. Первая связывает появление нового рабочего класса с обусловленным процессом автоматизации, изменением характера труда, с появлением нового типа квалификации и пр. Вторая связывает появление нового рабочего класса не столько с процессом автоматизации, сколько со структурными изменениями в экономике и восходит к идеям менеджериализма и теории среднего рабочего класса Ч.Р. Миллса, ряду идей К. Маркса. Основной тезис сторонников второй точки зрения состоит в том, что новый рабочий класс составляют инженеры и техники, мастерство и знания которых становятся фрагментарными, рутинизированными, хотя и хорошо оплачиваются, в результате знания, полученные в колледже, они не могут применить, что приводит к снижению уровня их профессионализма. Таким образом, речь идет, по сути, о деградации труда.

Проблемам «деградации» промышленного труда, снижения уровня квалификации рабочих и нивелирования этой квалификации посвящены работы Гарри Брейвермана. Концентрированным выражением этих идей служит «тезис Брейвермана», получивший широкое распространение в литературе 70–80-х гг. XX века. «Тезис Брейвермана» говорит о том, что в автоматизированных производствах не только не наблюдается процесс обогащения, усложнения труда и появления более умелого рабочего, но налицо обратный процесс.²³ Причем, согласно Брейверману, умение рабочих падает и в абсолютном смысле (как традиционное умение ремесленников), и в относительном. Брейверман полагает, что чем больше наука становится

---

²⁰ См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества.

²¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.

²² См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда.

²³ См.: Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. URL: <http://ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 08.06.2009 г.)

частью процесса труда, тем меньше рабочий понимает его. Чем сложнее производимый машиной продукт, тем меньшим контролем обладает над ним рабочий.

Согласно Брейверману, утверждение о том, что прогресс автоматизации требует лучше обученного, более образованного рабочего и ведет к обогащению содержания труда, основывается на двух аргументах. Во-первых, указывается сдвиг основной массы рабочих из одной квалификационной категории в другую (уменьшение группы неквалифицированных рабочих и увеличение группы рабочих средней квалификации и операторов); во-вторых, отмечается увеличение средней продолжительности периода обучения.²⁴

Что касается первого аргумента, то он, по мнению Брейвермана, не является вполне адекватным, поскольку связан с принятой системой классификации. Второй аргумент, по Брейверману, также несостоятелен, поскольку сфера производства и сфера образования не связаны друг с другом. Образование является социальным институтом, функционирующим по своим собственным установлениям и нормам. Увеличение периода образования привело к тому, что население стало более образованным, однако никак не повлияло на содержание труда и соответственно на требуемую квалификацию в промышленности.

В общем, позицию Брейвермана можно свести к следующим моментам. Во-первых, система современного ему производства, процесс автоматизации, приводит к *деградации труда*, снижению уровня квалификации рабочих, общей их усредненности. Во-вторых, потеря рабочими квалификации приводит к их практически абсолютной *взаимозависимости*, делает их беззащитными перед лицом менеджериального контроля, жесткой системы организации труда, которая способствует *утере квалификации*. В-третьих, автоматизация конторского труда сводит на нет различия между конторой и цехом, приводит к расширению рабочего класса за счет рабочих сферы обслуживания.

В 80-е гг. «тезис Брейвермана» получил развитие и поддержку в «школе трудового процесса», крупнейшими представителями которой являются Г. Сэлэмэн и П. Томпсон.

Историческая практика в целом показала несостоятельность позиции Брейвермана – особенно в аспекте деградации труда работников и снижении их квалификации. Напротив, современная история показывает, что, чем сложнее автоматизированное производство, чем более «высокие» технологии используются в этом процессе, тем выше требуемый уровень образования и квалификации работника. В то же время, по нашему мнению, Брейверманом поставлен важный вопрос о том, должен ли понимать работник процесс производства, в то время как данное производство все более «онаучивается»?

---

²⁴ См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда.

На этот вопрос, по нашему мнению, можно ответить исходя из понимания сущности современной формы автоматизированного труда.

К неомарксистским концепциям относится также *концепция нового рабочего класса* А. Горца. Горц кладет в основу своей концепции анализ экономической рациональности и функционализации труда в капиталистическом обществе. Горц отмечает, что по своей природе промышленное производство препятствует тому, чтобы труд переживался как живое творческое суверенное человеческое воздействие на материю. Кроме того, с развитием промышленного производства происходило и развитие «макросоциального разделения труда», которое Горц четко отличает от тейлорианского дробления (перцеллизации) задач в рамках отдельного предприятия. Особое значение, по Горцу, здесь имеет бесконечная *специализация знания*, которая препятствует тому, чтобы даже индивиды, образующие «коллективного трудящегося производителя» того или иного продукта, могли стать в полном смысле слова субъектами производства этого продукта, овладели всеми техническими и социальными условиями данного производства. Трудящиеся, по мнению Горца, могут завоевать права на самоуправление и на рабочий контроль, но эти права, завоеванные на том или ином конкретном предприятии, не дадут им возможности овладеть своей судьбой и смыслом своего труда. Проблема появления «рабочих нового типа» также интересует Горца. В связи с этим важным для него является вопрос: «Способна ли новая элита труда, идентифицирующаяся со своим ремеслом, осуществить эмансипацию всех сфер социальной жизни индивидов?» Чтобы дать ответ на этот и некоторые другие, связанные с ним, вопросы, необходимо определить, восстанавливается ли автономия труда одновременно в следующих трех измерениях: организация процесса труда (труд становится автономным, если он организует сам себя); отношение к продукту, который должен произвести труд (труд становится автономным, если свободно осуществляет задачу, которую задает себе сам); содержание труда как характер деятельности и те способности человека, которые требуются (труд становится автономным, если позволяет реализовываться тому человеку, который работает). Горц анализирует ситуацию в этих трех измерениях и делает ряд выводов.

Во-первых, он выяснил, что труд в автономных группах, где члены этих групп сами распределяют свои задачи, заботятся о машинах и контролируют качество продукции, в значительной мере ослабляет степень гетерономности, свойственной труду, построенному на тейлористских принципах. Однако этот труд не устраняет гетерономию, а лишь перемещает ее: внутри группы индивиды действительно обладают определенной автономией, но задача всей группы определяется извне. В данном случае группы, а не индивиды функционируют как винтики машины.

Во-вторых, отчуждение от продукта носит в определенных отношениях еще более тотальный характер, чем на «тейлоризированных заводах». Ни природа, ни качество, ни параметры продукта или полуфабриката не зависят от членов групп этого «нового труда». Они не являются специалистами

продукта, они специалисты ремонта, регулирования, программирования какого-то типа машин.

В-третьих, труд рабочего нового типа не создает в действительности условий для полноценной человеческой самореализации. Этот труд нельзя уподоблять реализации «полного» завершеного ремесла.²⁵

В результате, Горц делает вывод о том, что *«новый тип труда» не способен стать источником личной идентичности и совершенствования*. Разделение труда сделало возможным использование огромного объема знаний. Но каждый индивид владеет лишь ничтожно малой частицей знаний. Культура труда, раздробившись на тысячи кусочков специализированных знаний, оказалась отделенной от культуры повседневной жизни. Профессиональные знания не дают индивиду ориентации в мире, не позволяют управлять течением жизни, не указывают смысла мира. Живущий во фрагментированном мире, постоянно подвергающийся мегатехнологической агрессии индивид не в состоянии объединить свой мир в опыте. Одновременно, продолжает Горц, идет процесс сведения труда до минимума. Индустриальные страны производят все больше богатства все меньшим количеством труда. Однако они не создали культуру труда, которая развивала бы в полной мере индивидуальные способности, позволяла бы индивидам «свободно» развиваться во время принадлежащего им времени посредством добровольного сотрудничества, научной, художественной, образовательной и иной деятельности. Таким образом, Горц сформулировал концепцию «нового рабочего класса», у которого, однако, отрицает способность «идентифицироваться со своим ремеслом и осуществить освобождение всех сфер социальной жизни»²⁶.

Мы видим достаточно противоречивые суждения авторов данного периода. Одни указывают на прогрессивные тенденции в развитии труда и формирование нового социального субъекта – нового рабочего класса. Другие говорят о том, что, несмотря на технологический прогресс производственной сферы, новый труд не может быть источником идентичности человека, а значит, рабочий класс как субъект начинает уходить в прошлое, а вслед за ним и само «трудовое общество».

В этот же период появляются достаточно радикальные концепции, декларировавшие «смерть трудовой этики». Это утверждение появилось в 1968–1975 годы. Для этого периода также характерны утверждения о «росте абсентеизма», «утере моральной заинтересованности в труде», «аллергии к труду», о «сопротивлении к труду» и т.п. В этот же период появляются работы, посвященные новой безработице. По нашему мнению, эти идеи выражают пик кризиса трудовой идентичности, вызванной трансформациями в трудовой сфере.

Можно выделить два подхода в рассмотрении феномена «смерти трудовой этики»: 1) контркультурный и 2) академический подход.

---

²⁵ См.: Полякова Н.Л. Указ. соч.

²⁶ См.: Дамье В. Социальная философия Андре Горца. URL: http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/gorz.shtml (дата обращения: 08.02.2009 г.)

Контркультурное направление представлено взглядами Ч. Рейча и Т. Роззака. Они полагали, что отношение молодежи к труду меняется. *Авторы высказывали сомнение, что труд в современном им состоянии – основа социальной жизни (а, следовательно, и субъектности) индивида.* По их мнению, стали размыты понятия трудовой этики, ценности труда, профессионального сознания. Труд перестал быть ценностью, стал средством зарабатывания на жизнь. Это направление отрицает не труд как таковой, а имперсональный, отчужденный, дегуманизированный труд гигантских промышленных структур индустриального общества. По мнению Теодора Роззака, современному обществу угрожает гигантизм современной цивилизации. По его мнению, пагубно то, что такие институты как семья, образование, работа не представляют единых образований. В результате, становление личности происходит в трех разъединенных сферах, тогда как необходимо их единство: 1) семья нуждается в дружеском окружении, соседстве, общении; 2) работа должна иметь формы самоуправления; 3) образование нуждается в защите от экономических и политических сил. По мнению Т. Роззака, работа – это необходимое условие человеческого существования, не выживания, а открытия «Я» в человеке. Для этого работа не должна быть фрагментарной, разорванной. Труд должен быть осмысленным. Человек должен отвечать за труд и его результаты. Для этого необходимо дать рабочим адаптировать технику к своим навыкам и мастерству. Он также говорил о кооперативах как альтернативной экономике (как свободных объединений людей).

Забегая вперед, отметим, что, как будет показано в параграфе 5.4. данной главы, в современной американской экономике появилась обратная тенденция. Современные технологии создают возможности для человека работать в качестве «свободного агента» (термин Д. Пинка), не отделяя труд от общения с семьей, друзьями, коллегами. Однако в середине XX века еще не было очевидно, к чему приведут технологические и производственные инновации.

Академическое направление по вопросам трансформации трудовой этики представлено взглядами Андре Горца, Ральфа Дарендорфа, Клауса Оффе. Согласно, К. Оффе, работа перестает играть центральную роль в жизни людей. Причины – кризис труда, рост безработицы, разделение профессии и образования. Проблема в том, отмечает ученый, что сфера труда развивается очень быстрыми темпами и образование не успевает за ней. По мнению К. Оффе, работа воспринимается центральным компонентом человеческого существования, если она воспринимается как моральный долг и социально-экономическая необходимость. К. Оффе отмечает, что мораль упала, так как работа приобрела такой характер, что человек не может в ней участвовать осознанно, как морально и духовно действующий агент. С точки зрения стратегии бизнеса вполне рационально сделать производство независимым от человеческого фактора, так как он определяет неопределенность и отклонения. Но такая рационализация производства приводит к деградации и дисквалификации труда, утере моральной

заинтересованности в труде, рабочей гордости и общественного признания труда. Вывод К. Оффе: труд перестал быть главной ценностью, а работа перестала быть центральным фактором социально-экономической жизни индивида, а значит, и его основой как субъекта социальных преобразований.

На этом мы закончим обзор «кризисных концепций». Общее для данных концепций – своеобразная растерянность перед теми изменениями, которые начались с середины XX века. Концепции индустриального общества 50–70-х гг. XX века, по сути, представляют собой осмысление начального этапа процесса автоматизации производства. Они еще отказались от марксистского подхода к анализу общества (так как практически все обращаются к анализу производственной сферы), однако пытаются определить его границы в возможностях анализа общества и его субъекта (показателем этого являются выводы о смерти рабочего класса и трудового общества).

Данные исследования являются важной вехой в развитии представлений о трансформации рабочего класса как ведущего социального субъекта, их авторы поставили ряд проблемных вопросов, своеобразных «вызовов», на которые должна будет ответить социальная наука в будущем.

Важно и то, что рассмотренные авторы не отрицали ведущей роли материального труда в развитии общества, хотя и уделяли неодинаковое внимание различным аспектам автоматизации и по-разному оценивали последствия автоматизации. Так, Р. Блонер делал акцент на технологической стороне данного процесса, выступая, по сути, как технологический детерминист. Исследовав четыре типа технологий (ремесленную, машинную, конвейерную, автоматизированную), он показал влияние технологии на другие явления социального характера и дал положительную оценку автоматизации труда. В свою очередь, Г. Маркузе раскрыл положительные и отрицательные последствия процесса автоматизации. Также автор достаточно пронизательно заметил, что автоматизация производства и существование частной собственности несовместимы. В противоположность обозначенным идеям, Г. Брейверман настаивает на деградации труда в связи с его автоматизацией, дает отрицательную оценку автоматизации в целом. Он формулирует сложную проблему все возрастающего отчуждения труда, опасности непонимания рабочими всего технологического процесса, о фрагментарности их знания. Со своей стороны, А. Горц, не давая строго отрицательной оценки автоматизации, все же с опасением относится к новому типу труда и утверждает, что он не способствует самореализации и развитию работника в труде.

Несмотря на развернувшуюся дискуссию, все эти идеи свидетельствовали о том, что начались решительные трансформации в трудовой сфере, что новый тип труда принципиально отличается от предыдущих его типов, что формируется новый субъект труда, а значит, и новый субъект социального развития. Как было отмечено выше, это были первые попытки осмысления радикальных трансформаций в системе материального производства. Дальнейшее развитие производственной сферы, закрепление новых способов производства способствовало дальнейшему

теоретическому осмыслению этих процессов и привело к появлению новых концепций. Среди теоретического багажа, с которым мы имеем дело в начале XX века, есть «позитивно» раскрывающие произошедшие изменения, как бы преодолевшие кризис в осмыслении субъекта концепции, с которыми столкнулись более ранние мыслители. К таким концепциям, по нашему мнению, можно отнести теорию постиндустриального общества, идеи современной научной философии (современной формы исторического материализма), концепцию свободного агента Д. Пинка, теорию креативного класса Р. Флориды.

Литература:

17. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 238
18. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
19. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
20. Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. URL: <http://ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 08.06.2009 г.)
21. Дамье В. Социальная философия Андре Горца. URL: http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/gorz.shtml (дата обращения: 08.02.2009 г.)

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ И ЕГО СУБЪЕКТ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СТАТЬЯ 1. НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ДЖ. ГЭЛБРЕЙТА: СУЩНОСТЬ И МОТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕХНОСТРУКТУРЫ

Главная работа Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» предшествовала и во многом определила работы постиндустриалистов.

С первых страниц своей книги Дж. Гэлбрейт указывает на фундаментальные перемены, которые происходят в современном обществе. «Сам факт перемен, – пишет он, – не вызывает никаких сомнений. В течение последних семидесяти лет... нововведения были огромны... Самое очевидное из них – применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире пользуются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга» [5, с. 14–15].

Главная причина перемен – это технико-технологические факторы. Согласно Дж. Гэлбрейту, использование техники сегодня приводит к ряду следствий, это: 1) возрастание времени между началом и завершением работы; 2) рост участвующего в производстве капитала и затрат; 3) соотнесение времени и денег, расходуемых в процессе производства, с выполнением одной конкретной задачи; 4) появление потребности в специальной рабочей силе; 5) изменения в организации; 6) возникновение потребности в планировании [5, с. 40].

Ядро современной экономики – крупные корпорации, где использование техники соединяется с массивным использованием капитала. Власть в корпорации принадлежит специальной группе людей, которая направляет деятельность предприятия, является его мозгом. Такую группу людей Дж. Гэлбрейт называет техноструктурой. Техноструктура охватывает всех, кто обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений. Ключевыми особенностями человека в новом индустриальном обществе, согласно Дж. Гэлбрейту, становятся *владение специальным знанием* и *умение сотрудничать*. Носителями этих свойств являются *специалисты, владеющие знанием*, которые являются главным субъектом нового общества, и которые затем становятся частью *техноструктуры*. *Техноструктура* – это аппарат для объединения и анализа информации, доставляемой множеством людей, с тем, чтобы прийти к решениям, выходящим за пределы компетентности каждого в отдельности.

Становление нового общества, по Гэлбрейту, связано с изменениями в мотивах деятельности. Эволюция в мотивах деятельности представлена в таблице 1.

Таблица 1. Тип общества, источники власти и мотивы деятельности людей в концепции нового индустриального общества Дж. Гэлбрейта

Тип общества	Источник власти	Мотив деятельности
Доиндустриальное общество	Власть связана с землей	Принуждение
Индустриальное общество	Власть связана с капиталом	Денежная оплата
Новое индустриальное общество	Власть связана со знаниями, которыми обладают группы	Приспособление и отождествление собственных целей с целями корпорации

Итак, центральным субъектом новой индустриальной системы Дж. Гэлбрейта являются представители техноструктуры. Потребность в них определена логикой развития индустриальной системы, в частности техническими ее особенностями. Источником, формирующим мотивы поведения индивидов, является современная корпорация, побуждающая и поощряющая личность поставить ее цели на место своих собственных. Основой для формирования и поддержания субъекта нового индустриального общества выступает система образования и сотрудничество различных специалистов друг с другом в рамках техноструктуры.

«Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта нашло продолжение в идеях Д. Белла о «постиндустриальном обществе» и Э. Тоффлера о супериндустриальной цивилизации, чьи идеи будут рассмотрены в последующих параграфах данной главы.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Внутских А.Ю. От наноиндустрии к постинформационному обществу // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2. С. 6–11.
3. Гриценко В.С. Н. Дайер-Визерфорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 21–49.
4. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 13–24.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Тетра Fantastica, 2004. – 602 с.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ И ЕГО СУБЪЕКТ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СТАТЬЯ 2. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО, ТЕХНОКРАТЫ И ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ Д. БЕЛЛА

Отцом теории постиндустриального общества заслуженно считается Д. Белл, автор фундаментального труда «Грядущее постиндустриальное общество» [1].

Согласно Д. Беллу, новый строй характеризуется следующими главными компонентами, это: 1) переход от производства товаров к производству услуг; 2) доминирование профессионального и технического класса в структуре занятости; 3) теоретические знания как осевой принцип нового общества; 4) высокая роль техники и технологических оценок; 5) ведущая роль в принятии решений интеллектуальной технологии.

Первым и простейшим критерием становящегося постиндустриального общества часто выступает рост занятости в сфере услуг, к которым Д. Белл относит: 1) личные услуги: магазины розничной торговли, прачечные, салоны красоты; 2) деловые услуги: банковское дело и финансы, страхование, торговля недвижимостью; 3) транспорт, коммуникации, коммунальное хозяйство; 4) здравоохранение, образование, научно-исследовательская деятельность и управление. Именно развитие и рост последней категории является, согласно Д. Беллу, решающим фактором для становления постиндустриального общества.

Экспансия этого сектора отражается в росте *новой интеллигенции* – представителей университетов, исследовательских центров,

профессиональной сферы и управления, которые становятся *ведущими субъектами нового общественного строя*.

В постиндустриальном обществе кардинальным образом перестраивается структура занятости. Важным становится не только то, где работают люди, а какой вид труда они выполняют.

В свое время индустриализация породила полуквалифицированных рабочих, которые в течение нескольких недель могли быть подготовлены для выполнения простых операций, применяемых в машинном производстве. В индустриальном обществе полуквалифицированные рабочие превращаются в крупнейшую категорию рабочей силы.

Развитие постиндустриальной экономики способствовало росту тех видов труда, в которых были задействованы «белые воротнички». В США в 1956 году их число впервые в истории индустриальной цивилизации превысило количество «синих воротничков». А в 1970 году «белые воротнички» количественно превосходили «синих воротничков» в пропорции 5/4. Возрастает роль ученых и инженеров. Профессиональные и технические работники становятся «сердцевиной постиндустриального общества» [1].

В постиндустриальном обществе особую роль играет знание. Разумеется, знания необходимы для функционирования любого общества. Однако постиндустриальное общество отличается тем, что изменился сам характер знания. Главным при принятии решений и управлении переменами стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом. В результате складываются новые взаимоотношения между наукой и технологиями.

Главным действующим лицом, истинным субъектом постиндустриального общества является профессиональный и технический класс. «Жрецами нового строя» объявляются ученые, инженеры, технократы [1, с. 22].

Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» анализирует класс специалистов и технического персонала, численность которого с 1947 года по 1964 год более чем удвоилась (с 3,8 млн. до 8,5 млн. человек).

В рамках класса специалистов самую значительную группу составляют преподаватели – более 25% всех лиц, включенных по переписи в категорию специалистов и технических работников.

Инженеры – вторая по численности профессиональная группа в указанной категории. Численность инженеров с 1950 по 1966 год увеличилась более чем на 80% – с 535 тыс. до 1 млн. человек. Основными причинами этому Д. Белл называет рост наукоемких отраслей промышленности, таких как электроника, космическая и ракетная техника, научное приборостроение, ядерная энергетика и компьютерная техника, а также увеличение периода времени, требуемого для разработки и производства продукции в связи с усложнением процессов производства.

К инженерам близки техники и научно-технические работники, численность которых возросла с 450 тыс. человек в 1960 году до 650 тыс.

человек в середине 1966 года (7% категории специалистов и технических работников).

Важнейшей группой в обществе, где теоретическое знание становится осевым принципом, являются *ученые*. Темпы роста данной группы, в сравнении со всеми другими профессиональными группами, особенно впечатляет. Д. Белл приводит следующие данные. С 1930 г. по 1964 г. Число ученых возросло с 46 тыс. до 475 тыс. человек. Если с 1930 г. по 1965 г. численность всей рабочей силы США возросла на 50%, то число инженеров возросло на 370%, а ученых – на 930%. Этот рост идет параллельно с демократизацией высшего образования, осуществляемого в масштабах, которых мир ранее не видел. Ни одно общество никогда ранее не пыталось обеспечить систематическое формальное образование своей молодежи в возрасте до 19–20 и даже 22 лет. Так же, как в 20-е годы XX века было принято решение обеспечить каждому ребенку в стране среднее образование, то в середине XX века был взят курс на обеспечение высшего образования для всех способных молодых людей страны.

Один из выводов Д. Белла состоит в том, что *главный ресурс постиндустриального общества* – его *научные кадры*, которые он определяет как совокупность лиц, занимающихся любой научной работой, требующей знаний или подготовки, эквивалентной образованию в объеме не менее четырех лет обучения в колледже.

Таким образом, в постиндустриальном обществе *техническое знание* становится центральным компонентом *«технократического мировоззрения»* нового субъекта (состоящего из ученых, инженером, техников), а *образование* – средством формирования *социального субъекта* в постиндустриальном обществе [1, с. 482].

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Внутских А.Ю. От nanoиндустрии к постинформационному обществу // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2. С. 6–11.
3. Гриценко В.С. Н. Дайер-Визерфорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 21–49.
4. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 13–24.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Тетра Fantastica, 2004. – 602 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000. – 608 с.
7. Корякин В.В. Общественно-экономическая формация: сущность, структура, закономерности // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 4–20.
8. Маслянка Ю.В. Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 3. С. 4–11.

9. Маслянка Ю.В. Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2012. № 1. С. 10–19.
10. Орлов В.В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–14.
11. Орлов В.В. Философия экономики / В.В. Орлов, Т.С. Васильева; Пермский ун-т. – Пермь, 2006. – 266с.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ И ЕГО СУБЪЕКТ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СТАТЬЯ 3. ТРУД, СУБЪЕКТ ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ В ИНФОРМАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ М. КАСТЕЛЬСА

М. Кастельс – один из виднейших ученых, вслед за Д. Беллом, создавший интерпретацию социально-экономических трансформаций современного общества. В 1996–1998 гг. М. Кастельс публикует трехтомный труд «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура» [6], первый том которого был опубликован в 2000 году в России. М. Кастельс носит ряд уточнений в теорию постиндустриального общества, в том числе, относительно специфики труда и свойств его субъекта.

М. Кастельс называет новый тип общества информационным. Он полагает, что переход от индустриального общества к информационному, «безусловно, основан на революции в информационных технологиях... процессы экономических, политических и культурных изменений были усилены и увеличены необычайно могущественными информационными технологиями» [6, с. 21].

Эту революцию характеризует применение знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию. Главная черта нового общества – информационализм, понимаемый как ориентация на технологическое развитие, накопление знаний и более высокий уровень сложности в обработке информации. В фундаменте нового типа общества, начавшем формироваться в 70-е годы XX века, *лежит новая информационно-технологическая парадигма.*

Структурная перестройка экономики в 1980-х годах привела, согласно М. Кастельсу, к ряду организационных трансформаций.

Первая и наиболее значимая тенденция организационной революции – переход от массового производства к гибкому производству, от фордизма (модели массового производства) к постфордизму (гибкому производству).

Вторая тенденция связана с кризисом крупной корпорации и высокой жизнеспособностью малых и средних фирм как агентов инновации и источников создания новых рабочих мест.

Для информационной экономики становится характерной «горизонтальная корпорация» как новый тип организации, противоположный вертикальной корпорации эпохи индустриализма.

М. Кастельс выделяет семь главных особенностей горизонтальной корпорации: 1) построение организации вокруг процесса; 2) плоская иерархия; 3) командный менеджмент; 4) измерение результатов по удовлетворению покупателя; 5) вознаграждение как результат работы команды; 6) максимизация контактов с поставщиками и покупателями; 7) информирование, обучение и переподготовка сотрудников на всех уровнях [6, с.168].

В информациональном обществе кардинальную трансформацию также претерпевает труд и занятость. Один из результатов такой трансформации – появление *сетевых работников*, работников с гибким рабочим днем как *нового типа субъекта* труда.

М. Кастельс значительное внимание уделяет формированию новой профессиональной структуры. Основное положение теорий постиндустриализма гласит, что люди, вовлеченные в различные виды деятельности, начинают занимать новые позиции в профессиональной структуре. По мере движения к информационному обществу будет возрастать значимость позиции менеджеров, профессионалов, техников, параллельно будет снижаться доля рабочих на позициях специалистов и операторов, и будет возрастать численность клерков и продавцов.

Обобщая, М. Кастельс выделяет следующие фундаментальные черты в сфере занятости в информационных обществах:

1. Сокращение сельскохозяйственной занятости и занятости в сфере традиционной промышленности.
2. Развитие услуг производителям и социальных услуг, с акцентом на деловые услуги в первой категории и услуги здравоохранения во второй категории во второй группе.
3. Растущая диверсификация сферы услуг как источника рабочих мест.
4. Быстрый рост управленческих, профессиональных и технических рабочих мест.
5. Формирование пролетариата «белых воротничков», составленного из конторских служащих и работников торговли.
6. Одновременный рост на верхнем и нижнем уровне профессиональной структуры.
7. Относительная модернизация профессиональной структуры во времени, с более высоким ростом доли занятий, которые требуют высшей

квалификации и высокого уровня образования, по сравнению с ростом категорий низшего уровня.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Внутских А.Ю. От наноиндустрии к постинформационному обществу // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2. С. 6–11.
3. Гриценко В.С. Н. Дайер-Визерфорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 21–49.
4. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 13–24.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Terra Fantastica, 2004. – 602 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000. – 608 с.
7. Корякин В.В. Общественно-экономическая формация: сущность, структура, закономерности // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 4–20.
8. Маслянка Ю.В. Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 3. С. 4–11.
9. Маслянка Ю.В. Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2012. № 1. С. 10–19.
10. Орлов В.В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–14.
11. Орлов В.В. Философия экономики / В.В. Орлов, Т.С. Васильева; Пермский ун-т. – Пермь, 2006. – 266с.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ И ЕГО СУБЪЕКТ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СТАТЬЯ 4. СУПЕРИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК В КОНЦЕПЦИИ Э. ТОФФЛЕРА

Идеи относительно становления нового типа общества изложены Э. Тоффлером в ряде работ, среди которых основными, по нашему мнению, являются – «Шок будущего» (1970г.), «Третья волна» (1980г.),

«Революционное богатство» (написана совместно с Х. Тоффлер в 2006г.) [16, 17, 18].

В 1965 году Э. Тоффлер впервые употребляет термин «Шок будущего» для описания разрушительного стресса и дезориентации, которую вызывают у индивидов большие перемены в обществе, происходящие за короткое время [17].

Шок будущего – это болезнь перемен. В одноименной книге Э. Тоффлер предложил футуристическую концепцию становления нового типа общества, которое он называет «супериндустриальным». В фокусе внимания Э. Тоффлера – прогнозируемые им тренды будущего и проблемы адаптации к нему. Многие из того, о чем писал Э. Тоффлер в своей книге более тридцати лет назад, сегодня находят свое подтверждение.

Одна из особенностей супериндустриализации – это ускорение социальных процессов. Особенно стремительно развиваются технологии и научное знание, в доказательство чего Э. Тоффлер приводит множество примеров (например, 90% всех ученых, живших когда-либо на земле живы и поныне, новые научные открытия совершаются каждый день, а время между возникновением идей и их применением резко сокращается).

Ускорение изменения радикально меняет равновесие между новыми и знакомыми ситуациями. Возрастающие темпы перемен вынуждают людей справляться не просто с более быстрым потоком ситуаций, но с большим числом ситуаций, к которым предыдущий личный опыт не подходит. По словам Э. Эриксона, «в нашем обществе в настоящее время “естественный ход событий” заключается как раз в том, что темп перемен должен продолжать ускоряться до пока еще не достигнутых границ человеческой и институциональной приспособляемости» [17, с. 48].

Главной силой в условиях этого «ускоряющегося рывка» является технология, которая, по мнению Э. Тоффлера, «служит сама себе питательной средой» [17, с. 38]. Таким образом, согласно Э. Тоффлеру, движущей силой общества объявляются *технологические факторы*.

Именно развитие технологий обуславливает, по Тоффлеру, большие волны перемен, соответствующие трем ступеням общественного развития и трем типам обществ – аграрному, индустриальному и супериндустриальному, которые Э. Тоффлер подробно анализирует в работе «Третья волна» [16].

Каждый тип общества представляет собой систему, включающую в себя четыре сферы – техносферу, социосферу, инфосферу и психосферу.

Каждой ступени общественного развития присущи собственные уникальные характеристики обозначенных структурных компонентов.

Третью волну (супериндустриальное общество) Э. Тоффлер характеризует следующим образом.

Это общество зарождается в середине XX века с появлением компьютерных технологий и длится по сегодняшний день.

Техносфера супериндустриального общества формируется под влиянием компьютерной революции. Это высокотехнологичное, но в то же время

антииндустриальное общество. Это общество, предполагающее переход к новым (альтернативным) источникам энергии. Ожидается, что большая часть энергетических запасов будет обеспечиваться за счет возобновляемых, а не истощаемых источников. Супериндустриальное общество характеризуется возникновением новых отраслей промышленности, это: компьютерная, аэрокосмическая, нефтехимическая, полупроводниковая и пр. Основной рост, по Э. Тоффлеру, ожидается в четырех отраслях производства, это: 1) электроника и компьютеры; 2) космическая промышленность; 3) использование океана; 4) геновая инженерия. Это отрасли, которые возникли в результате ускорения прорыва на стыке смежных научных дисциплин, находящихся в зачаточном виде или не существовавших ранее – квантовой электроники, теории информации, молекулярной биологии, океанологии, ядерной физики, экологии, космонавтики. Также для супериндустриального общества характерна дестандартизация; демассификация; децентрализация.

Социосфера супериндустриального общества характеризуется трансформациями в семье, сфере образования, трудовой сфере. По Тоффлеру, в новом обществе имеется тенденция к сокращению числа традиционных нуклеарных семей, соответственно, увеличивается число других (не-нуклеарных) форм семей (возможно также появление «электронной расширенной семьи» на базе «электронного коттеджа»). Возникает потребность в новом образовании, в новых школах, способных подготовить работников супериндустриального общества. Школа индустриального типа перестает отвечать социально-географическим и временным требованиям нового общества. Навыки, получаемые в школе, быстро устаревают. Супериндустриальное общество должно предусматривать непрерывное образование на протяжении всей жизни по принципу подключения-отключения. Новое образование должно готовить людей к работе во временных формированиях – адхократиях. Не менее радикальны, по Тоффлеру, изменения в трудовой сфере. Футуролог описывает эти процессы следующим образом. Фабрики и заводы будут строиться за пределами больших городов, они перестанут служить моделью для других учреждений. Сократится доля монотонного труда. Работа из офиса будет перенесена в дом. Режим работы «с девяти до пяти» перестанет быть стандартом. Работа становится более разнообразной, менее фрагментированной, а график работы – более гибким. Появляется потребность в ответственных, изобретательных, «незапрограммированных», более быстрых на подъем работниках, для которых более важен смысл в работе, чем денежное вознаграждение. Изменения в трудовой сфере, несомненно, требует организационных изменений. Для супериндустриального общества будут характерны организации с плоской иерархией, менее подверженные давлению верхушки, состоящие из небольших компонентов. Работа таких организаций все менее зависит от времени суток. Это полиорганизации, способные принимать разные структурные формы. Э. Тоффлером используются различные термины для

обозначения этих организаций: «матрица», «ad-hoc», «ячеистые организации».

Существенные изменения претерпевает *инфосфера супериндустриального общества*. В первую очередь, изменяются источники информации и роль СМИ. Новая эпоха характеризуется постоянной сменой информации. Человек вынужден постоянно пересматривать картотеку своих образов. Происходит демассификация средств медиа. Увеличивается число СМИ, возрастает предлагаемый выбор. Будущее телевидения – «индивидео» – передача визуальных образов, адресованных одному человеку. Мнения становятся менее унифицированными. Человек имеет дело с фрагментированными, временными образами, лишенными смысла клипами, «клочками информации». Появляется «клип-культура». Человек не получает новую ментальную модель реальности в готовом виде – он должен ее постоянно формировать и переформировывать. Демассификация СМИ дает многообразие ролевых моделей и стилей жизни, с которыми можно сравнить свою жизнь. СМИ дают не целые, а раскрошившиеся на части образы. Они не предлагают несколько понятных видов идентичности для выбора. Идентичность необходимо сложить из кусочков. В итоге формируется «конфигуративное» или «модульное» “Я”. Человек становится производителем-потребителем собственных образов себя. Происходит рост обмениваемой информации. Базисом новой инфосферы, по Тоффлеру, является компьютер.

Не менее существенные трансформации затронут, согласно футурологу, и *психосферу*. Изменится тип мышления, отношение к общности, структуре, смыслам и, как следствие, изменится идентичность. По Тоффлеру, движение в супериндустриальное общество – это движение в сторону междисциплинарного мышления, к холизму (целостности) мышления. Согласно мыслителю, человечество стоит на пороге «новой эры синтеза». Происходит возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей в единое целое. Происходит изменение значимости пунктуальности – сдвиг к селективной или ситуационной пунктуальности. У людей появляется стремление решать проблемы своими силами. По мнению Э. Тоффлера, люди будущего будут взрослеть раньше, раньше брать на себя ответственность, лучше адаптироваться, проявлять больше индивидуальности, будут ставить под сомнение авторитеты, будут стремиться к равновесию в жизни.

Все названные выше и анализируемые в данной статье книги Э. Тоффлера содержат значительный феноменологический материал, посвященный описанию некоторых особенностей субъекта нового типа общества, становление которого он описывает. Посмотрим, как характеризуется социальный субъект (который у Тоффлера выступает, прежде всего, как субъект трудовой деятельности) в работах футуролога.

В своей первой значимой работе «Шок будущего» Э. Тоффлер говорит о *бюрократе, человеке организации или функционере* (все три термина

используются у Тоффлера как синонимы) как типе человека, характерного для индустриальной цивилизации [17].

В бюрократической системе индивид занимал вполне определенное место в системе разделения труда, некую фиксированную позицию в составе более или менее фиксированной окружающей обстановки. Работник знал совершенно точно, где кончается его отдел и начинается соседний. Присоединяясь к какой-либо организации, человек брал на себя ряд обязательств в обмен на определенное вознаграждение. Эти обязательства и вознаграждения оставались неизменными в течение больших отрезков времени. Таким образом, индивид находился в относительно постоянной паутине отношений не только с другими людьми, но и организационным каркасом, самой структурой организации [17, с. 146].

«Для бюрократии, – пишет Э. Тоффлер, – был характерен особый сорт людей, определяющийся тремя особенностями бюрократии – постоянством, иерархией, разделением труда» [17, с. 167]. Постоянство предполагало, что связь между человеком и организацией будет продолжительной, и влекло за собой определенные обязательства по отношению к организации. Долгий стаж работы предполагал верность организации, привязанность к ней. Потеря связей с организацией грозила опасностью потери средств к существованию. Бюрократ был человеком иммобильным и ориентированным, прежде всего, на свои экономические гарантии. Чтобы сохранить работу, он добровольно подчинял свои собственные интересы и убеждения потребностям своей организации. Человек организации искал у нее одобрения. Награды и наказания спускались по иерархии вниз, и человек, смотрящий обычно вверх, на следующую ступеньку иерархической лестницы, постепенно приучался к подчинению и подобострастию. Система формировала слабого, нерешительного, склонного к пустым разговорам функционера, человека без личных убеждений или не смеющего их высказывать. Функционер должен был хорошо знать свое место внутри системы; он занимал вполне определенную нишу и выполнял только действия, предписанные законами организации; его труд оценивался в соответствии с тем, насколько точно он выполнял задания, записанные в конторской книге. Сталкиваясь с относительно рутинными проблемами, он приучался к поиску стандартных ответов. Такие качества, как отступление от установленных правил, творчество, склонность к риску не поощрялись, так как приходили в противоречие с предсказуемостью, которая требовалась от всех частей организации [16, с. 167–168].

В книге «Третья волна», написанная через десятилетие после «Шока будущего», Э. Тоффлер пишет, что цивилизация второй волны способствовала появлению особого социального типа – «Industrial Man» (индустриального человека), который повелевал мощностями, которые в значительной степени повышали его слабые силы. «Industrial Man» – это главный субъект индустриального общества, это типичный фабричный рабочий, обладающий рядом стандартных характеристик [16, с. 204].

Большую часть жизни он проводил в производственной среде, соприкасаясь с машинами и организациями, которые подавляли личность. С детства его учили, что выживание главным образом зависит от денег. Он вырос в нуклеарной семье и ходил в стандартную школу. Представления о мире складывались благодаря СМИ. Он работал в крупной организации или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу. Он все меньше отождествлял себя со своей деревней или городом, а соотносил себя со страной в целом. Он ощущал свое противостояние природе, в процессе труда он постоянно эксплуатировал ее, и все же стремился провести weekend на природе. Он научился воспринимать себя частью громадной, взаимосвязанной экономической, социальной и политической системы, постичь которую в целом было выше его сил. Среда, в которой жил «Industrial Man» отличалась от среды предков (заводской гудок заменил крик петуха). Изменилось и тело человека. Он стал выше. Брак стал преследовать иные цели, чем только экономическую выгоду (как было в аграрном обществе).

Важнейшее свойство индустриального рабочего – *пунктуальность*, являющаяся следствием всеобщей *тенденции к синхронизации*. «Пунктуальность стала социальной необходимостью, – пишет Э. Тоффлер, – Продолжительность работ была рассчитана во времени и разбита на последовательные этапы, измеренные с точностью до долей секунды» [16, с. 102]. Выражение «с девяти до пяти» очерчивало временные рамки трудящихся.

Индустриальному рабочему был свойственен особый менталитет, который Э. Тоффлер называет *индуст-реальностью*. Индуст-реальность – это тип мышления, созданный индустриальной цивилизацией, базирующийся на своеобразном представлении о времени и пространстве, материи и причинности, о мире и человеке.

Цивилизация второй волны, в отличие от аграрного общества, нуждалась в очень точных единицах измерения – часах, минутах, секундах, которые должны были быть стандартными и неизменными от года или места. Появляются представления о стреле времени, линейности времени. «Синхронизация – стандартизация – линейность» представляют собой три принципа, поменявших представления о времени в индустриальную эпоху. В индустриальном обществе также возникла потребность в синхронизации пространства. Аналогично выделению точных временных единиц измерения, сформировались точные и равнозначные единицы пространства.

«Индустриальный менталитет, – говоря словами Э. Тоффлера, – исходил из практицизма, превозносил критическую требовательность и карал воображение, сводил людей к простейшим протоплазменным единицам и в конце концов искал инженерного решения любой проблемы» [16, с. 200]. Индустриальный менталитет носил, по мнению Э. Тоффлера, механистический характер. Вторая волна цивилизации развивала у человека способность расчленять проблему на ее составляющие – способствовала развитию *анализа*.

Работа на производстве требовала людей с проворными, пригодными для поточной линии руками. Она требовала рабочих, которые безоговорочно бы выполняли указания. Она требовала мужчин и женщин, готовых работать до изнеможения на машинах или в конторах, выполняя невероятно скучные, однообразные операции. В подготовке таких индустриальных рабочих активно участвовали школы второй волны. По словам Э. Тоффлера, они «подвергали механической обработке поколения молодых людей, готовя из них податливую, унифицированную рабочую силу, в которой нуждалась электромеханическая технология и поточные линии на производстве» [16, с. 66].

Таким образом, для обозначения субъекта индустриального общества Э. Тоффлер использует, как синонимы, следующие термины: бюрократ, функционер, человек организации, «Industrial Man». Субъект индустриального общества – это социальный тип, порожденный индустриальным способом производства (в том числе, конвейерного типа) и соответствующими ей организационными структурами.

Возникновение супериндустриального общества, обусловленное технологическими инновациями, приводит к появлению нового типа социального субъекта. Однако терминология для обозначения субъекта супериндустриального общества у Э. Тоффлера еще более размытая и неточная, чем когда он говорит о субъекте индустриальной волны.

В работе «Шок будущего» Э. Тоффлер противопоставляет «человека организации», характерного для обществ индустриального типа, и «ассоциированного человека» – прообраза субъекта третьей волны. Их сравнительный анализ представлен в таблице 2.

Таблица 2. «Человек организации» и «ассоциированный человек» в работе Э. Тоффлера «Шок будущего»

Человек организации (индустриальный субъект)	Ассоциированный человек (супериндустриальный субъект)
<ul style="list-style-type: none"> • Имобилизован заботой о своей экономической стабильности 	<ul style="list-style-type: none"> • Считает экономическую стабильность само собой разумеющейся
<ul style="list-style-type: none"> • Страшится рисковать 	<ul style="list-style-type: none"> • Приветствует риск
<ul style="list-style-type: none"> • Пытался приобрести в иерархической системе статус и уважение внутри организации 	<ul style="list-style-type: none"> • Ищет статус и уважение за пределами организации
<ul style="list-style-type: none"> • Находится в заранее определенной нише 	<ul style="list-style-type: none"> • Переходит из одной ниши в другую сложным самомотивированным образом
<ul style="list-style-type: none"> • Посвящает жизнь решению рутинных проблем и в соответствии с жестко установленными правилами, избегая неортодоксальности и творчества 	<ul style="list-style-type: none"> • Столкнувшись с новыми проблемами, вдохновляется возможностью инноваций;
<ul style="list-style-type: none"> • Подчиняет свою личность, играя в команде 	<ul style="list-style-type: none"> • Понимает недолговечность команды, готов в каких-то пределах подчинять ей свою личность, однако это погружение никогда не бывает перманентным
<ul style="list-style-type: none"> • Плохо адаптируются к изменяющимся условиям 	<ul style="list-style-type: none"> • Быстро адаптируется за счет личного удовлетворения и приспособления

Ассоциированному человеку соответствуют новые организационные структуры, работающие по принципу *адхократии*.

«Супериндустриальный человек, – пишет Э. Тоффлер, – не стремится занять постоянное, четко определенное место и осуществлять бессмысленные рутинные задачи, исходящие сверху, он все более понимает, что должен взять на себя ответственность за принятие решений, именно так он должен поступать, находясь внутри организационной структуры, меняющейся, как в калейдоскопе, и построенной на кратковременных и в высшей степени человеческих отношениях» [17, с. 163].

Ссылаясь на Уоррена Бенниса, Э. Тоффлер отмечает, что бюрократия, соответствующая обществу индустриальной волны, начинает погибать из-за своей неспособности адаптироваться к быстрым переменам [17, с. 164]. Бюрократия с ее пирамидальной структурой была хороша для ситуации стабильности. В свое время, бюрократические структуры, обладая правилами на все случаи жизни и набором принципов, указывающих способы решения разнообразных рабочих проблем, могли ускорить передачу необходимых команд и достичь того темпа, который соответствовал индустриализму. В супериндустриальном обществе ускорение перемен достигло такого высокого темпа, что его не может выдержать и бюрократия. Потребовались обладающие более высокой степенью реактивности организации. По мнению Э. Тоффлера, ключевым словом для организаций супериндустриального общества будет «временный».

В книге «Шок будущего» Э. Тоффлер предсказал появление адаптивных, быстро меняющихся временных систем, в которых администраторы и управленцы станут координаторами между различными временными группами, а люди будут дифференцироваться не по вертикали (в соответствии с их рангом и ролью), а гибко и функционально, в соответствии с их навыками и профессиональными знаниями.

Уоррен Беннис, которого Э. Тоффлер активно упоминает в своих работах, описал такие организации следующим образом: вследствие высокой скорости перемещения из одной временной группы в другую «обязательства по отношению к рабочим будут уменьшены... В то время как в общении между людьми профессиональные навыки приобретут еще большее значение, обусловленное все растущей потребностью в кооперации при решении сложных задач, одновременно будет наблюдаться и ослабление групповой сплоченности... Люди должны будут научиться тому, чтобы развивать быстрые и сильные отношения, связанные с работой; в то же время они должны научиться тому, чтобы переносить спокойно утрату более длительных рабочих контактов» [17, с. 166].

Новые организационные структуры Э. Тоффлер называет адхократией. Адхократия – это исключительно подвижная, обогащенная информацией динамическая организация, представленная временными рабочими ячейками и исключительно мобильными индивидами. Адхократия требует от человека иных качеств, чем от человека организации (функционера). Место постоянства занимают кратковременность и мимолетность. Происходит упадок «преданности». Возникает преданность иного рода – преданность профессии.

Э. Тоффлер отмечает, что на момент написания книги (1970 г.) творческие объединения по принципу адхократии уже были в таких отраслях как компьютерная промышленность, образование, океанография и пр.

В работе «Третья волна» Э. Тоффлер также обращается к описанию традиционных организаций и организаций будущего. Их сравнительный анализ представлен в таблице 3.

Таблица 3. Традиционные организации и организации будущего в работе Э. Тоффлера «Третья волна»

Традиционные организации	Организации будущего
<p>Гигантская, иерархическая, неизменная, строго подчиненная сверху донизу механистическая организация, хорошо спроектированная для производства одинаковых продуктов и однотипных решений в сравнительно стабильном индустриальном окружении. Обычно называются бюрократическими организациями.</p>	<p>Менее подверженная давлению верхушки организация с плоской иерархией, состоящая из небольших компонентов, связанных во временные конфигурации. Работа таких организаций все менее зависит от времени суток. Это полиорганизации, способные принимать разные структурные формы. Используются различные термины для наименования этих организаций: «матрица», «адхократия», «ячеистые организации».</p>

В работе «Третья волна» Э. Тоффлер говорит о возникновении и деятельности еще одного типа субъектов супериндустриального общества – *технореволюционеров* – «агентов третьей волны», главная задача которых – поддержание новых технологий. К технореволюционерам Э. Тоффлер относит научно подготовленных людей, инженеров-ядерщиков, биохимиков, чиновников здравоохранения, генетиков и пр. [16, с. 257–260].

Технореволюционеры владеют новыми, супериндустриальными технологиями и в своей деятельности исходят из новых технологических принципов-требований, к которым Э. Тоффлер относит: 1) жесткий экологический контроль; 2) приоритетность технологий, гуманизирующих труд и способных предотвратить загрязнение и обеспечить охрану окружающей среды; 3) технология не должна быть громоздкой, дорогой или сложной, чтобы быть «умной»; 4) отказ от ресурсоистощающих, загрязняющих окружающую среду технологий, и переход к идее метаболической системы, исключающей потери и загрязнение. Первичным наблюдаемым *следствием деятельности технореволюционеров*, согласно Э. Тоффлеру, должна стать гуманизация технологического прорыва.

На последних страницах работы «Третья волна» Э. Тоффлер говорит о появлении *нового работника*, не называя его специальным термином. Процесс формирования работника, характерного для эпохи супериндустриализма, Э. Тоффлер описывает следующим образом. Работа становится более разнообразной, менее фрагментированной, каждый выполняет более крупное, а не более мелкое задание. Гибкий график и свободный темп заменяют прежнюю потребность в массовой синхронизации поведения. Работникам приходится справляться с более частыми переменами в их работе, с чередованием переводом персонала, изменением продукции и реорганизацией. Появляется потребность в более ответственных и менее

запрограммированных работников, более быстрых на подъем. Новые работники, согласно Э. Тоффлеру, сложные люди, индивидуалисты. Для них важен смысл в работе, снижается роль денежного вознаграждения. Однако специального названия или классификации работника нового типа здесь Э. Тоффлер не дает [16, с. 606–607].

В супериндустриальном обществе нужны люди, способные к критическому суждению, способные сориентироваться в новых условиях. Индивиды должны научиться быстро и экономно адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Людям в супериндустриальном обществе, по мнению Э. Тоффлера, станут необходимыми умения и навыки в трех сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать. Особенно важным становится первый навык – умение учиться. В супериндустриальном обществе важной становится не столько система знаний (знания, полученные в школе, быстро устаревают), но умение ей оперировать. Надо научиться учиться. Новое образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться [17, с. 444–451].

Если вторая волна цивилизации развивала способности человека к анализу, то сегодня, по мнению Э. Тоффлера, «мы стоим на пороге новой эры синтеза. Во всех отраслях знаний ... мы, вероятно, увидим возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей снова в единое целое» [16, с. 213].

Возможно, именно требование крупномасштабного мышления в супериндустриальном обществе способствует возрастанию роли междисциплинарного знания – об этом Э. Тоффлер писал как в работе «Третья волна», так и в последующей совместной с Х. Тоффлер книге «Революционное богатство» [16, 18].

В «Третьей волне» Э. Тоффлер говорит о движении в сторону *междисциплинарного мышления*, идее *холизма* (целостности), которая пронизывает человеческое мышление. В качестве примера целостного мышления, соответствующего супериндустриальному обществу, он приводит теорию систем [16, с. 489].

В книге «Революционное богатство» Элвин и Хейди Тоффлеры также говорят о возрастающей роли междисциплинарного знания и соответствующем типе мышления. Они отмечают, что сегодня все большим спросом пользуются профессии, названия которых состоят из двух, а иногда из трех слов: астробиолог, биофизик, инженер-эколог, нейропсихофармаколог. В супериндустриальном обществе традиционная иерархия дисциплин (например, точные науки – впереди, гуманитарные – позади) становится неактуальной. Появляется неиерархическая конфигурация *ad hoc*. Как отмечают авторы, «узкая специализация приносит

хорошие дивиденды, однако она убивает неожиданность и воображение и плодит индивидов, которые боятся ступить за границы своей области и даже помыслить об этом боятся» [18, с. 216]. Наоборот, отмечают ученые, «воображение и креативность расцветают, когда прежде не связанные идеи, понятия или категории данных, информация или знания объединяются по-новому. Объединяя далеко отстоящие друг от друга потоки личного опыта и ноу-хау, научные работники вводят в мысленный процесс и принятие решение временные, новые, далекие от общепризнанной аналогии. В этой новой системе то, что может быть утрачено в результате долгосрочной, глубокой специализации, окажется компенсировано креативностью и воображением» [18, с. 216].

Таким образом, развитое *воображение и креативность* выступают также важными свойствами субъекта супериндустриального общества. Значимым качеством также является *умение сопоставлять данные*. «Если креативность подразумевает неожиданное сопоставление фактов, идей или открытий, ранее считавшихся не связанными между собой, то углубление и сопоставление становятся фундаментальными инструментами инновационного процесса» [18, с. 217].

Таким образом, проблема субъекта нового общества и его свойств имеется в качестве лейтмотива во всех трех анализируемых работах Э. Тоффлера. В таблице 4 представлена попытка обобщения свойств субъекта индустриального и супериндустриального общества, которые выделены Э. Тоффлером.

Таблица 4. Обобщенная классификация свойств субъекта второй (индустриальной) и третьей (супериндустриальной) цивилизаций на основе работ Э. Тоффлера

	<i>Субъект второй (индустриальной) цивилизации</i>	<i>Субъект третьей (супериндустриальной) цивилизации</i>
<i>Формирующие факторы</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Машинный тип труда, требующий синхронизации 	<ul style="list-style-type: none"> • Автоматизация рутинных и монотонных операций
<i>Терминология, используемая для названия субъекта</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Industrial Man • Бюрократ • Функционер • Организационный человек 	<ul style="list-style-type: none"> • Новый работник • Ассоциированный человек • Технореволюционер
<i>Характерные организационные формы</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Бюрократия, иерархическая организация 	<ul style="list-style-type: none"> • Организация, построенная по принципу адхократии, матричной или ячеистой структуры
<i>Свойства субъекта</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Механистический склад ума • Индуст-реальность как тип мировоззрения • Практицизм • Пунктуальность как следствие тенденции к синхронизации • Способность к анализу • Следование инструкциям • Страх перед риском • Слабая адаптивность • Поричание воображения и креативности 	<ul style="list-style-type: none"> • Междисциплинарное мышление • Холизм (целостность) мышления • Способность к синтезу • Селективная (ситуационная) пунктуальность • Развитое чувство ответственности • Самостоятельность • Адаптивность • Индивидуальность

		<ul style="list-style-type: none"> • Умеренный скептицизм (ставят под сомнение авторитеты) • Способность рисковать • Способность к критическому суждению • Умение учиться • Умение общаться • Умение выбирать • Развитое воображение • Креативность
--	--	---

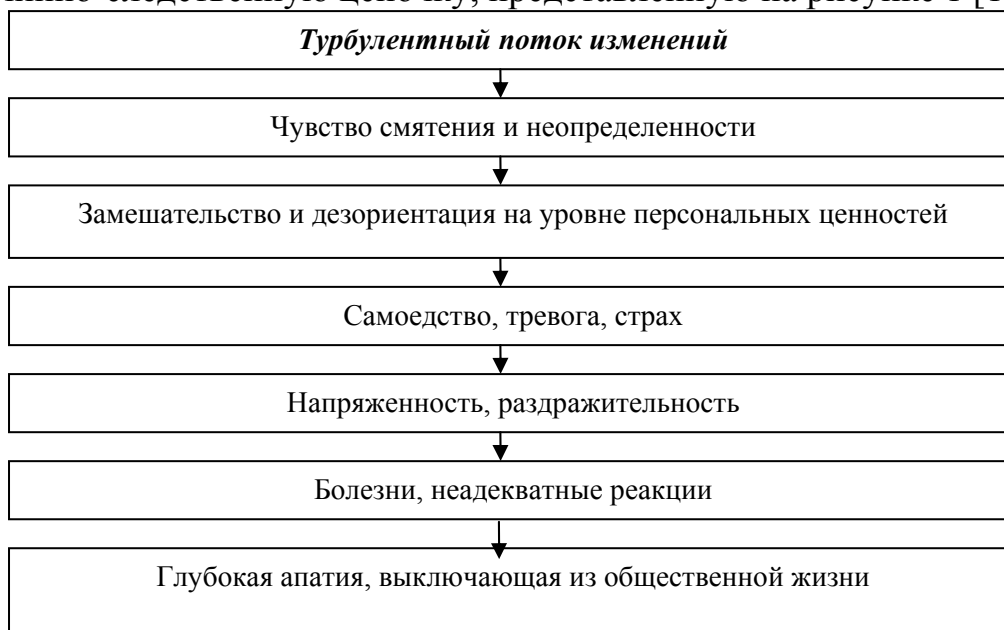
Становление субъекта супериндустриального общества сопровождается определенными сложностями, прежде всего, связанными с психологическими проблемами адаптации.

Э. Тоффлер говорит о психологическом истощении как показателе распада психосферы второй волны и в качестве примеров приводит статистические данные, указывающие на количественный рост подростковых самоубийств, заболеваний алкоголизмом, депрессий. Все это также указывает, по мнению Э. Тоффлера, на поиск людьми новой идентичности [16, с. 577–579]. При этом человеку не предлагается для выбора несколько понятных видов идентичности (что связано, прежде всего, с демассификацией СМИ): ее нужно сложить из кусочков. По Э. Тоффлеру, сегодня мы имеем дело с конфигуративным или модульным “Я” [16, с. 615]. «Каждая личность – конфигурация модулей», – пишет Э. Тоффлер в «Шоке будущего» и указывает среди причин этого также изменение характера человеческих отношений, которые становятся более кратковременными (особенно, это характерно для большинства отношений сервисного типа) [17, с. 117].

Высокая скорость перемен и ментальное напряжение, связанное с ней, приводит к такому негативному для психики человека феномену как *сверхвозбуждение*. Перегруженный рассудок становится неспособным принимать адекватные решения. перевозбуждение может сказаться на восприятии, мышлении, принятии решений.

Новое общество так же подвергает человека стрессу решений – сегодня нарушается баланс между запрограммированными и незапрограммированными решениями. Сегодня от человека требуются часто новые и до сих пор не программируемые решения. Сегодня в нашей жизни существует конфликт между давлениями ускорения и давлениями новизны. С одной стороны, от нас требуются быстрые решения, с другой – твердые решения, требующие большего времени на обдумывание. Сегодня развитые технические общества сталкиваются со сверхстимуляцией решений. Вследствие этого, люди чувствуют себя бесполезными, неспособными принимать решения относительно ближайшего будущего. Все это является следствием неконтролируемого ускорения научных, технологических и социальных изменений [17, с. 382].

Негативные следствия шока будущего выстраиваются в определенную причинно-следственную цепочку, представленную на рисунке 1 [17, с. 396].

Рисунок 1. Негативные последствия для психики человека, вызванные шоком будущего

Перемены, к которым человек оказывается не готов, приводят к нарушениям социальной и индивидуальной рациональности. Единственный способ сохранить равновесие в ходе индустриальной революции, по мнению Э. Тоффлера, – создать новые личные и социальные механизмы, регулирующие изменения [17, с. 399–405]. Также первоочередной задачей, по словам ученого, является повышение способности индивида преодолевать трудности, то есть способность быстро и экономно адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям [17, с. 444].

Заключение. Перспективы исследования субъекта постиндустриального общества с позиций научной философии.

В обозначенных концепциях общей идеей является идея формирования нового общества и субъекта и попытка описать этот субъект. Но описание субъекта в работах классиков постиндустриализма, по нашему мнению, – стихийно, бессистемно. Не выделена четкая типология субъектов. Субъектом постиндустриального общества будет и оператор автоматизированного производства, и программист, и ученый, и фрилансер, обеспечивающий самозанятость за счет использования современных информационных технологий. Во многих зарубежных концепциях выделяются черты субъекта, но не обосновываются, откуда они появляются, почему они необходимы. Наша гипотеза, которая будет разрабатываться далее, что свойства работника – производные от сущностных особенностей всеобщего труда. По нашему мнению, важно связать в единую концепцию идею всеобщего труда и субъекта с его свойствами. В перспективе, нам видится важным показать современного субъекта как активного носителя всеобщих сущностных сил. Сущностные силы субъекта всеобщего труда, с одной стороны, стремятся к универсализации – человек, выполняющий всеобщий труд, выступает как

универсальная сила природы; разделение труда на умственный и физический преодолевается; работник может рассматриваться как полифункциональный, способный к быстрой перемене труда. С другой стороны, они все более индивидуализируются, примером чего выступает развитая способность к творчеству, нестандартным, самостоятельным решениям. Выполнению этого замысла будет способствовать привлеченный философский и социологический материал зарубежной и отечественной науки, в том числе отмеченные ранее труды ученых Пермской школы научной философии.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Внутских А.Ю. От наноиндустрии к постинформационному обществу // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2. С. 6–11.
3. Гриценко В.С. Н. Дайер-Визерфорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 21–49.
4. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 13–24.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Тегга Fantastica, 2004. – 602 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000. – 608 с.
7. Корякин В.В. Общественно-экономическая формация: сущность, структура, закономерности // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 4–20.
8. Маслянка Ю.В. Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 3. С. 4–11.
9. Маслянка Ю.В. Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2012. № 1. С. 10–19.
10. Орлов В.В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–14.
11. Орлов В.В. Философия экономики / В.В. Орлов, Т.С. Васильева; Пермский ун-т. – Пермь, 2006. – 266с.
12. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.
13. Патырбаева К.В. Особенности интеграционных процессов в процессе производства постиндустриального типа // Философия хозяйства. № 3. 2009. С. 133–139.
14. Патырбаева К.В. Особенности современной системы производства и организации труда в XXI веке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3(4). 2009. Том 4. Философия и социология; культурология. С. 40–44.
15. Патырбаева К.В. Особенности современной формы труда и работник нового типа: монография / К.В. Патырбаева; науч. ред. В.В. Орлов; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 175 с.

16. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», М., 2002. – 776 с.
17. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 – 557 с.
18. Тоффлер Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 569 с.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Ж. БОДРИЙЯРА И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

Творчество французского социолога и философа Жана Бодрийяра занимает важное место в развитии постмодернистского философского видения состояния современного общества. Ж. Бодрийяр в свое время испытал сильное влияние К. Маркса, Э. Дюркгейма, структуралистов, М. Фуко. К основным работам философа относятся «Система вещей», «Потребительское общество», «Критика политической экономии знака», «Символический обмен и смерть», «Америка» и др.

Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» обращается к анализу состояния современного общества. Однако особенностью его подхода является не анализ с точки зрения производства, а анализ потребления.

В своей работе Ж. Бодрийяр подвергает анализу и критике существующие мифы об обществе изобилия и формулирует собственное видение происходящего. Современное общество, по мнению Бодрийяра, – это не общество изобилия, а общество потребления. Центральным феноменом данного общества является *процесс потребления*. Однако следует заметить вслед за Бодрийяром, что потребление существовало и на предшествующих стадиях развития общества, но только на стадии постмодернизма потребление приобретает особое значение, несет совершенно иную смысловую нагрузку, чем ранее.

В современном обществе люди оказываются окруженными не столько другими людьми, сколько объектами потребления. Современное общество, по мнению Бодрийяра, переживает время вещей: мы живем в их ритме и в соответствии с их непрерывной последовательностью.

Черта современного общества – это изобилие, даже нагромождение предметов. Предметы оказываются организованными особым образом: они составляют ансамбль (символами таких, особо организованных и представленных в изобилии товаров, а, возможно, и всего общества потребления в целом являются коммерческий центр Дрогстор и самый

большой коммерческий центр Европы «Парли-2»). Предметы соблазняют покупателя, вызывают у него инерционное принуждение.

Потребление составляет сегодня важнейшую характеристику человека в современном обществе. Современное общество – это, прежде всего, общество потребления. Субъект такого общества – потребитель. Собственно говоря, человек общества потребления оказывается *лишенным статуса субъекта*. Он действует и потребляет не потому, что он этого хочет этого, делая сознательный выбор, а потому, что им управляет *код сигнификации*.

Для современного человека характерно не просто потребление для удовлетворения нужд, базовых потребностей (в современных развитых обществах они и так удовлетворены), а *знаковое потребление*, выступающее кодом, языком общения между людьми.

Общество потребления – это отказ от действительности на основе потребления знаков. Место потребления – это повседневная жизнь.

Ж. Бодрийяр в книге «Общество потребления» осуществляет исследование феномена потребления в структурном отношении ко всем другим видам общественного поведения. Опираясь на обширный статистический материал, Ж. Бодрийяр убедительно иллюстрирует рост потребления.

Ж. Бодрийяр называет ряд негативных последствий, к которому ведет непрерывный быстрый рост производства и потребления. Это: 1) деградация среды обитания; 2) культурный вред; 3) текучесть рабочей силы и нестабильность занятости; 4) чувство общей неуверенности; 5) неспособность всех людей удерживать ритм, задаваемый системой; 6) расходование произведенного системой производства излишка на поддержание этой системы; 7) разбалансированность внутреннего функционирования системы; 8) расточительство.

По мнению Ж. Бодрийяра, несмотря на наблюдаемый рост производства и обилие продаваемых благ, современное общество, все же, нельзя назвать обществом изобилия. Обществом изобилия, скорее, было общество первобытных людей, которые не были одержимы предметами. Изобилие – это не количество произведенных вещей, оно не измеряется цифрами, а выражается в отношениях людей, в мироощущении человека и уверенности в том, что средств для удовлетворения потребностей достаточно. В нашем обществе есть лишь только знаки изобилия. Вместо изобилия мы имеем потребление. Современное общество – это общество роста, общество потребления. В таком обществе есть лишь формальное равенство перед объектом. Реальное же неравенство сохраняется (в США сохраняется более 20% бедных). Бедность общество потребления победить не в силах.

Потребление выступает сегодня как система значений, как язык. Предметы, которые человек потребляет, служат не просто наслаждению, удовлетворению потребностей – они служат как вещи, но действуют как элементы (знаки) комфорта и престижа. Они соотносят человека с определенной социальной группой или статусом.

Человек общества потребления никогда не потребляет предмет в его потребительной ценности, он всегда потребляет его как знак статусной иерархии. Потребление определенных объектов либо приближает человека к определенной группе, или отдаляет от нее.

Обращение, покупка, продажа, присвоение различных благ и вещей составляет сегодня язык, кодекс, согласно которому целое общество общается и разговаривает.

В обществе потребления дискурс вещей и их производства, дискурс объекта потребления как знаковой функции структурирует поведения человека.

Ж. Бодрийяр настаивает, что сегодня существует даже принуждение к наслаждению, которое человеку навязывается СМИ.

СМИ внушают человеку, что он должен постоянно развивать свою потребительскую активность, он должен попробовать все.

Выбор человека в области потребления только кажется свободным, на деле человек испытывает принуждение к дифференциации. Из всего многообразия потребностей, система производства поощряет и удовлетворяет только адекватные ей потребности. В такой системе существуют только потребности роста, потребности расширенного воспроизводства капитала и производительных сил. Производство ориентируется на нужды капитала, так же как и потребление вынуждено подчиниться этим нуждам.

Для общества потребления характерна индивидуалистическая идеология. Как член производства человек может быть связан с другими индивидами (через разделение труда, совместный труд), как потребитель «человек вновь становится одиноким», «потребление направлено на разговор с собой» [1, 118].

Объекты вытесняют из жизни человека других людей, а сам он исчезает как субъект.

С одной стороны через потребление человек стремится найти *персональность*, стремится к *отличию*. Однако в обществе потребления это становится невозможным. Персонализирующие различия не противопоставляют индивидов друг другу, они иерархизированы в соответствии с бесконечной лестницей и сближаются при помощи моделей, в зависимости от которых они производятся и воспроизводятся.

Дифференцироваться становится равнозначным тому, чтобы сблизиться с моделью, определять себя в зависимости от модели, от модного скомбинированного образа (этот образ может навязываться человеку СМИ). Весь процесс потребления оказывается подчиненным искусственно умножающимся моделям. Общество потребления уничтожает реальные различия между людьми, делает однообразными личности и продукты.

Персонализация (как стремление к статусу, высокому жизненному уровню) реально основывается не на вещах или благах самих по себе, а только лишь на *различиях*, которые эти вещи символизируют.

Определенные вещи символизируют определенный статус, общественное положение, то есть становятся знаками и критерием отнесения индивида к той или иной социальной группе. Потребляя данные вещи, их знаковое, символическое значение, человек соотносит себя с той или иной социальной группой. Через потребление конкретных знаков люди уподобляются тем, кто потребляет сходные знаки, и становятся отличными от тех людей, кто эти знаки не потребляет.

В обществе потребления код контролирует, какие предметы люди потребляют, и что они делают. Людям может казаться, что за деньги они могут приобрести все, что угодно. Но на самом деле они могут захотеть лишь то, что потребляет группа, к которой они принадлежат, то, что диктует характерный для данной группы код сигнификации. Именно код сигнификации ограничивает выбор людей. В обществе постмодерна люди покупают не то, в чем нуждаются, а что им приписывает код. Это система «управляемой персонализацией», которая осознается индивидом как свобода. Свобода в обществе потребления – это свобода проецировать желания на произведенные товары. Потребляя товары, человек впадает в «успокоительную регрессию вещей». При этом предметы утрачивают функцию полезности, которая замещается функцией соблазна. На место потребительской стоимости приходит символическая стоимость.

Вещи становятся символами престижа, власти, благополучия. Знаки служат дифференциации, принадлежности к конкретной группе. Труд и занятость состоят в симуляции труда, чтобы каждый член общества был помечен кодом принадлежности к системе.

Дифференциация людей с помощью объектов потребления как бы заменяет собой реальные противоречия общественной жизни. Заметными становятся не реальные отличия и противоречия, а различия в стиле потребления.

В обществе потребления реальные личности исчезают. Субъект общества потребления – это персонализированный индивид, отличный от других, но в то же время соответствующий определенным моделям и кодексу (как и другие индивиды данной группы). Люди начинают следовать определенным моделям, которые, в свою очередь, производятся СМИ и становятся отличительными знаками. Вместо реальных интересов и страстей повсюду наблюдается лишь игровая деятельность с объектами, где люди манипулируют объектами-знаками, не испытывая при этом ничего, кроме простого любопытства. Реальные отношения между людьми исчезают. Люди погружаются в ирреальный мир знаков. Это означает, по Ж. Бодрийяру, конец социального.

В работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр формулирует схему развития человечества, включающую три стадии:

- 1) Первобытное (докапиталистическое общество);
- 2) Буржуазно-капиталистическая цивилизация;

3) Современная стадия постмодерна, для которой характерна замена культурных и экономических ценностей предшествующей эпохи симулякрами.

Этим трем стадиям развития общества соответствуют три исторических порядка симулякров:

- 1) Подделка, действующая на основе естественного закона ценности;
- 2) Производство, действующее на основе рыночного закона стоимости;
- 3) Симуляция, действующая на основе структурного закона ценности.

В целом, стадия постмодерна является логическим продолжением, венцом развития капиталистического общества – гиперкапиталистическим строем, как называет ее сам Ж. Бодрийяр [2].

Значительную часть книги «Символический обмен и смерть» занимает анализ общественного производства и труда – Ж. Бодрийяр пытается определить их статус и роль в обществе, основанном на симулякрах, на знаковом потреблении и соответствующих отношениях.

Труд, подобно другим вещам, оказывается только знаком среди знаков. Он производится и потребляется, как и все остальное. Он не является «специфическим местом исторического праксиса», но, как и большинство других практик, является теперь «просто набором сигналетических операций». Он включается в общее оформление, знаковое обрамление жизни.

Раньше (в обществах, предшествующих постмодерну) труд был производительным, был пронизан целенаправленностью. В обществе постмодерна все обстоит иначе – «теперь... труд не является производительным, он стал воспроизводительным, воспроизводящим предназначенность к труду как установку целого общества, которое уже и само не знает, хочется ли ему что-то производить» [2, 59]. По мнению Ж. Бодрийяра, сегодня необходимость воспроизводить труд существует только лишь как рефлекс, мораль, консенсус, регуляция, принцип реальности. В обществе постмодерна становится абсолютно неважным, что производит такой труд, главное, он воспроизводит сам себя. Труд сегодня – это «социальная симулятивная модель», – заключает Бодрийяр [2, 60].

Такой труд (также и в форме досуга) заполняет всю нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во время и в месте, предписанная вездесущим кодом. Люди должны быть приставлены к делу. Отношение, которое складывается сегодня к труду и включающее гибкое расписание, подвижность кадров, переквалификацию, постоянное профессиональное обучение, автономия и самоуправление, децентрализация трудового процесса – все это лишь попытка встроить человека (и производство) в систему потребления.

Ж. Бодрийяр отмечает, что для наименования современного работника даже используется особый термин – «*производственный агент*». Сегодня мы имеем дело не с рабочим, а с производственным агентом. Для него характерна не эксплуатация, делающая его сырьем в трудовых процессах, а мобильность, взаимозаменяемость, делающая его бесполезным придатком основного капитала. По мысли Ж. Бодрийяра, термин «производственный

агент» знаменует собой предельный вариант «рабочего, стоящего рядом с производством».

На фабрику становится похожим все общество в целом. Фабрика как таковая должна исчезнуть, труд должен потерять специфический характер, и тогда капитал сможет преобразиться, распространив свою форму до масштабов всего общества.

В своей законченной форме, не соотносясь более ни с каким определенным производством, труд больше не находится и в отношении эквивалентности с заработной платой. Заработная плата ничему больше не эквивалентна и не пропорциональна, она представляет собой таинство вроде крещения, делающее вас полноценным гражданином политического социума капитала. Иначе говоря, заработная плата также начинает носить символический характер, симулякризируется.

В итоге Ж. Бодрийяр создает своеобразную концепцию «конца труда», «конца субъекта», «конца социального», изложенную в постмодернистическом стиле философствования.

Анализ феномена потребления Ж. Бодрийяром, безусловно, является вкладом в современную философию – никто до него не уделял данной сфере должного внимания.

Можно согласиться с Ж. Бодрийяром о возможности покупки и потребления предмета, прежде всего, как *знака* (престижа, отнесенности к какой-либо социальной группе и пр.). По нашему мнению, это обусловлено самой логикой капитализма, когда на достаточно высокой стадии развития общества базовые (биологические и социальные) потребности большинства людей уже удовлетворены. Сам Ж. Бодрийяр также неоднократно отмечает факт, что общество потребления – это продолжение развития капиталистического общества.

Верными «помощниками» капитализма в формировании системы потребностей являются реклама и СМИ – именно они участвуют в создании «кода сигнификации», который в дальнейшем управляет поведением людей. По нашему мнению, Ж. Бодрийяр отмечает манипулятивные наклонности капиталистического общества – капитал стремится к контролю сознания и поведения людей. Хотя Бодрийяр и не использует в данном случае термины High-tech (высокие технологии) и High-hume (высокие социогуманитарные технологии), но речь, по-видимому, идет именно о них. Например, рекламные технологии является ярким примером High-hume. Высокие социогуманитарные технологии обычно определяются как технологии, направленные на манипуляцию человеческим сознанием. Они могут использоваться в различных целях и, вероятно, в условиях господства капитала целью их использования будут интересы самого капитала, то есть эти технологии будут использованы для управления поведением потребителя. В этом смысле Ж. Бодрийяр абсолютно прав, когда говорит о том, что у потребителя есть иллюзия, что он свободно выбирает предметы потребления, на самом же деле он потребляет то, что предписывает ему система производства. Однако сведение всех сфер жизни общества, в том

числе труда и системы производства, к сфере потребления нельзя считать полностью оправданным.

Часто Ж. Бодрийяром утверждается, постулируется (а не доказывается) исчезновение производительного труда, переход от производительного к воспроизводительному труду. Различные трансформации в трудовой сфере, позволяющие труду не быть привязанным к одному месту, гибкие условия труда, возможность работы дома, широкое распространение сферы услуг – все это свидетельствует, по мнению Ж. Бодрийяра, о том, что теперь труд – везде, а значит, и нигде. Мысль о том, что труд теряет функцию производства общественного богатства и выступает лишь знаком социализации, предписывающим человеку быть занятым чем-нибудь, быть «при деле», не имеет, на наш взгляд достаточных оснований уже потому, что сам процесс производства не анализируется Ж. Бодрийяром. К этой мысли он приходит по логике общества потребления: в таком обществе все может быть потреблено и все может выступать в виде симулякра.

Интересно, что Ж. Бодрийяр говорит о разрушении стоимостного отношения – меновая стоимость перестает «работать» и «зарплата больше ничему не эквивалентна и не пропорциональна». Однако Ж. Бодрийяр ищет основы не в самом производстве (производство он вообще не анализирует), а в сфере обмена. Ж. Бодрийяр говорит о «символическом обмене», «символической стоимости». Философ ищет основы разрушения стоимостного отношения в симулякризации, в функционировании предметов как знаков чего-либо. В то же время, современный марксизм, опираясь на работы самого К. Маркса, доказывает, что разрушение стоимостного отношения связано с появлением всеобщего труда, с разрушением абстрактного труда [3]. Данные моменты, Ж. Бодрийяром не анализируются, тогда как, по нашему мнению, настоящий анализ разрушения феномена стоимости должен начинаться именно с анализа материального производства.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Культурная революция; Республика, 2006.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
3. Орлов В.В. Философия экономики. Пермь, 2006.

Патырбаева К.В.
*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ З. БАУМАНА

Зигмунд Бауман – один из основоположников постмодернистской социологии – использует для наименования состояния современного общества термин «постмодерн» и выделяет следующие его характеристики: плюрализм культур; постоянно происходящее изменение; отсутствие каких-либо властных универсалий; доминирование средств массовой информации и их продуктов; отсутствие основной реальности, так как все, в конечном счете, представляет собой символы [5, 178–179]. Данные черты, выделенные З. Бауманом в работе «Признаки постмодерна» (1992 г.), он развивает и конкретизирует в последующих работах, среди которых особо значимыми, по нашему мнению, являются «Текущая современность», «Индивидуализированное общество», «Глобализация. Последствия для человека и общества».

Социологическая теория постмодерна должна освоить неопредетерминистский характер новых социальных реалий. У социологии постмодерна, по мнению З. Баумана, должен быть свой новый предмет исследования. В самых общих чертах социология постмодерна включает в себя следующее:

1. Её предметом является сложная непредсказуемая общественная система, прежде всего, в виде потребительского общества.

2. Изучение разнообразных агентов, которые практически не зависят друг от друга и в целях достижения своих, свободно выбираемых целей, стремятся преодолеть централизованный контроль.

3. Она исследует хаотическое пространство и хроническую неопределенность, состояние беспокойства, в котором оказываются интеллектуалы интерпретаторы.

4. Изучение идентичности агентов, которая постоянно изменяется, но не развивается в определенно ясном направлении.

5. Она изучает то, как люди относятся к своему телу, учитывая как воздействие внешних институтов, так и внутреннее выражение свободы.

6. С учетом этого, разнообразные агенты практически не зависят друг от друга, тем не менее, исследуются их временные выборы, объединения, распады связей, о чем свидетельствуют символические признаки, которые и могут быть предметом изучения.

7. Она исследует символические признаки, которые в условиях неопределенности выражают определенную значимость для определенных категорий агентов.

8. Особую значимость приобретает исследование знания, которое в условиях постмодерна знаменует свободу доступа к жизненным ресурсам и возможность их выбора. Знание также становится одним из основных источников конфликта, нацеленного на перераспределение ресурсов среди агентов [5, 184–185].

Для З. Баумана квинтэссенция постмодерна – это, прежде всего, определенное состояние общественного сознания, отличное от состояния модерна. Одной из ключевых проблем для субъекта постмодерна выступает вопрос об идентичности. Постмодернистское сознание способствует развитию рефлексивности относительно своей идентичности. В современном обществе важным становится не просто вопрос, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность.

З. Бауман написал специальную работу, посвященную сравнительному анализу общественного сознания модерна и постмодерна – «Законодатели и интерпретаторы: о модерне, постмодерне и интеллектуалах» (1987 г.). Это одна из первых работ, относящаяся к социологическому постмодернизму. Здесь социолог сравнивает «законодателей» и «интерпретаторов» как двух типов субъектов – идеологов модерна и постмодерна. Их сравнительный анализ представлен в таблице 1 [5, 181–182].

Таблица 1.

«Законодатели» и «интерпретаторы» как субъекты обществ модерна и постмодерна в концепции З. Баумана

«Законодатели»	«Интерпретаторы»
<ul style="list-style-type: none"> • Это интеллектуалы с модернистским мышлением; • Они имеют авторитарные суждения; • Их авторитарные суждения подталкивают людей к выбору определенных мнений, обеспечивая веру в их правильность и обязательность следования им; • Их авторитет лежит в основе «высшего знания»; • Они имеют больший доступ к знанию, чем остальные; • Они обладают властью по формированию сознания людей. 	<ul style="list-style-type: none"> • Это интеллектуалы с постмодернистским мышлением; • Они делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом; • Они не ориентированы на выбор «лучших идей»; • Их цель – обеспечить коммуникацию между автономными сообществами; • Они стремятся предотвратить искажение в процессе коммуникации; • Они развивают глубокое понимание той системы знаний, которую необходимо адаптировать для восприятия другими, сохраняя баланс между смыслом, вкладываемым адресантом и пониманием адресата; • Они разделяют идею амбивалентности знания и морали как естественного положения вещей (никто из интерпретаторов не обладает превосходством по отношению к кому-либо другому в праве на истину); • Их мышление толерантно.

Все большую значимость в условиях постмодернистической современности обретает виртуальная реальность, представленная в виде симулякров. Они способствуют порождению принципиально новой потребности – желания желанного. Люди, при этом, становятся «коллекционерами ощущений» [1, 120]. Теперь коды сигнификации определяют характер сознания людей и их рефлексивность относительно их окружения.

Современное общество З. Бауман определяет как индивидуализированное [2]. Его отличают усиление роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастание неуверенности и неопределенности, подавление проявлений человеческого духа.

З. Бауман уверен, что современное общество радикально отличается от предшествующих форм существования. «На [современной] стадии, – пишет он, – ... мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, – на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни» [2, 316].

Индивидуализация рассматривается З. Бауманом как отрицание форм социальности, известных из прошлого, как нечто, выступающее в одно и то же время причиной и следствием фрагментации и социальной действительности, и жизни каждого конкретного человека. Люди в таком обществе все чаще и охотнее отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной» [2, 28]. Как и прежде, личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится уже не столько взаимодействием с обществом, сколько биографическим разрешением системных противоречий, к возникновению которых он по большей части не имеет никакого отношения. Объективные социальные процессы трансформируют менталитет людей, а мировоззрение человека формирует новый облик современного социума.

Индивидуализированное общество характеризуется З. Бауманом тремя главными признаками: 1) утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; 2) возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых перемен; 3) возникающее стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что приводит к дезинтеграции социальной и индивидуальной жизни. В итоге, общество XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой – все более явной фрагментированностью человеческого существования. Противоречие между этими процессами и составляет основную проблему современного общества, которое, по сути, находится в кризисе. Общество, в котором индивиды не имеют представления о собственных долгосрочных целях и вообще стремятся уйти от таковых, оказывается неустойчивым, неспособным к саморегуляции. В 80-х годах XX века на смену термина «универсализация» пришло понятие «глобализация». Универсализация предполагала субъекта происходящего процесса, тогда как глобализация

подчеркивает резкое снижение и даже утрату контроля индивидов над процессами и событиями, влияющими на их судьбы. События в современном мире развиваются бесконтрольно, носят квазистихийный, незапланированный, непредвиденный, спонтанный и случайный характер [1, 152]. Человек в таком обществе перестает чувствовать себя хозяином и творцом внешних условий своего существования. Человек ощущает бессилие, желание бегства от реальности, неопределенность и растерянность. У человека снижаются возможности контролировать собственную судьбу. Возрастает неопределенность человеческого бытия. Анализируя социальные и психологические аспекты таких проблем, как безработица, общественное неравенство и бедность, З. Бауман показывает, что общество сегодня пытается убедить себя, что нарастающая неопределенность – это не зло, а естественный способ существования. Люди пытаются примириться с неудобствами и страхами повседневной жизни. Меняются их ценности. Люди, стремясь приспособиться к изменяющимся условиям, начинают отрицать стабильность и длительность как важные условия нормального существования. Человек проникается мыслью, что сделать уже ничего нельзя.

В современных «обществах риска» потребности производства меняются гораздо быстрее, чем человек способен освоить те знания и навыки, которые прежде считались необходимыми для участия в нем. Снижается ценность традиционных образовательных учреждений, которые ранее были важнейшими фабриками социальных значений и смыслов. Возникает резкая дифференциация между людьми, способными и неспособными к быстрому усвоению меняющейся социальной реальности, и, как следствие, бедность.

Индивидуализированное общество кардинальным образом трансформирует систему человеческих ценностей, ранее представлявшуюся неизменной. Люди отказываются от достижения долгосрочных целей и задач. Разрушается преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей. Пересматривается мораль. Человек начинает рассматривать других людей не как уникальных и самоценных личностей, достойных уважения и заботы, а в качестве своеобразных объектов, удовлетворяющих, наряду с прочими, одну из многочисленных потребностей. Другие люди начинают рассматриваться по аналогии с предметами потребления. Общим результатом становится разрушение морали и предельная индивидуализация человеческого существования, когда человек рассматривает в качестве субъекта лишь самого себя, полагая всех других людей лишь частью враждебного объективного мира.

Работы З. Баумана стремятся дать широкую феноменологическую интерпретацию проблем, с которым сталкивается современное общество. Разумеется, вопросы труда также интересуют социолога, поскольку труд был и остается важной стороной жизни социума. С анализа труда начинается работа З. Баумана «Индивидуализированное общество» («Возвышение и упадок труда»); вопросам труда посвящена глава 4 книги «Текущая современность» («Работа»).

Однако труд эпохи модернити и труд в постмодернистском обществе различаются. Точнее, социолога интересует не столько сущностный аспект трансформации самого процесса труда, сколько отношение к труду человека, а также изменение взаимоотношений труда и капитала («от брака к сожителству»). Основой этих различий становятся изменения в ценностных установках и ориентациях.

Как уже отмечалось ранее, важнейшим элементом становления индивидуализированного постмодернистского общества, согласно З. Бауману, становится приход новой, «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной». Он отмечает, современного молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают, по меньшей мере, одиннадцать перемен рабочих мест (причем, возможно дальнейшее нарастание этой тенденции). Лозунгом экономики сегодня стала «гибкость». В отношении рынка труда это означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до «очередного уведомления» [2, 29].

Обратим внимание, что данные тенденции отмечены З. Бауманом не впервые. Теоретики постиндустриального общества также отмечают и переход к гибкости (рынок труда, рабочей силы), и временную работу, и работу на дому. Особенно ярко эта идея была выражена в идее «электронного коттеджа» Э. Тоффлера. Затем эти идеи были развиты в Д. Пинком (концепция свободного агента), Р. Флоридой (идея креативного класса).

Однако З. Бауман интересен тем, что дает оригинальную интерпретацию данных феноменов в духе постмодернизма, исходя из своей идеи индивидуализированного общества.

Подобно всем социальным процессам и явлениям, трудовая жизнь насыщается неопределенностью. З. Бауман оговаривается, что, разумеется, трудовая жизнь была полна неопределенностей и ранее, однако, по его мнению, современная неопределенность представляет собой неопределенность совершенно нового вида [2, 30].

В современном обществе занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив и становится эпизодической. Ранее важные правила игры в карьерное продвижение или увольнение, сегодня теряют свое значение. В современных трудовых отношениях не остается шансов для укоренения и укрепления взаимной лояльности и солидарности – все договоренности сегодня все равно оказываются временными. «Место работы, – отмечает З. Бауман, – воспринимается как своего рода кемпинг, где человек останавливается на несколько ночей и который можно покинуть в любой момент, если не предоставлены обещанные удобства или предоставленные вдруг разонравились, а не как общий дом, где каждый обязан взять на себя труд по выработке приемлемых правил взаимодействия» [2, 31]. З. Бауман упоминает Марка Грэнеттера, который отметил, что наше время является

эпохой «слабых связей», а также ссылается на идеи Сеннетта, предположившего, что «быстро исчезающие формы сотрудничества более полезны для людей, чем долгосрочные связи» [2, 31].

Современное общество приводит, по мысли З. Баумана, к разъединению капитала и труда, причем выигрывает в этом процессе капитал, получающий автономию, невиданную ранее.

Сегодняшняя «расплавленная», «текучая», рассредоточенная, разбросанная и лишенная государственного регулирования версия современности предрекает, по мнению З. Баумана, наступление легкого, свободно плавающего капитализма, «отмеченного свободой и ослаблением связей между капиталом и рабочей силой» [3, 161].

Например, капитал упразднил свою зависимость от труда посредством новой свободы передвижения, неизвестной в обществе модерна. «Сбросив балласт больших машин и многочисленных заводских бригад, капитал путешествует налегке, имея при себе лишь ручную кладь – портфель, портативный компьютер и сотовый телефон. Этот новый признак изменчивости сделал все обязательства, и особенно постоянные обязательства, одновременно избыточными и неразумными: они мешали, они стесняли движение и снижали конкурентоспособность, априори исключая варианты выбора, которые ведут к повышению производительности» [3, 163].

Главным источником прибылей для капитала все больше становятся идеи, а не материальные предметы. «Идея подается лишь один раз, после чего начинает приносить доходы в зависимости от количества людей, выступающих в качестве покупателей, клиентов или потребителей, а не от того их количества, которое занято в воспроизводстве прототипа. Когда ставится задача сделать идеи прибыльными, конкурентная борьба идет за потребителей, а не за производителей. Не удивительно, что современный капитал стремится устанавливать связи, прежде всего, с потребителями» [2, 34]. При планировании передвижений капитала и определении мест его размещения наличие рабочей силы оказывается лишь второстепенным соображением. Зависимость капитала от труда заметно сократилась. Также и труд становится менее зависимым от капитала.

В новом обществе меняется характер занятости. Работники, составлявшие ранее основу рабочего движения, оказываются в конце классификации как «рутинные работники». Здесь З. Бауман ссылается на Р. Райча, предложившем разделить работников на следующие категории: 1) символические манипуляторы, выдумывающие идеи и способы превращения их в нечто полезное и пользующееся спросом; 2) люди, занятые в воспроизводстве рабочей силы (работники сферы образования или функционеры государства благосостояния; 3) работники сферы личных услуг; 4) рутинные работники, привязанные к сборочному конвейеру или к компьютерным сетям и электронным автоматизированным устройствам. Именно рутинные работники оказываются легко доступными и взаимозаменяемыми элементами экономической системы. Предъявляемые к

ним требования не предполагают ни каких-либо особых навыков, ни искусства общения с клиентами, и именно поэтому таких людей легче всего заменить. Они понимают, что вполне заменимы, и потому видят мало смысла в каком-то прочном привязывании себя к рабочему месту, в обременении себя какими-либо обязательствами и вступлении в тесные связи с сослуживцами. Они вообще склонны с подозрением относиться ко всякой верности рабочему месту или увязыванию своих жизненных целей с его возможным будущим [2, 35].

Ослабление связей между капиталом и трудом, разрушение их взаимозависимости, по мысли З. Баумана, носит односторонний характер. Освобождается, прежде всего, капитал. При этом освобождение связано, в том числе, с технологическими достижениями общества – это указание З. Баумана на компьютер, сотовый телефон и пр., увеличивающие мобильность капитала. Однако, эти же технологии увеличивают мобильность рабочей силы, как показано в трудах других значимых социологов современности – Э. Тоффлером, Д. Пинком и др. Вероятно также, что З. Бауман соглашается с идеями цитируемого им Р. Райча, о том, что работники конвейерного производства и автоматизированных производственных сетей – суть один и то же социальный тип индивида без навыков, знаний и квалификации, легко заменяемый на аналогичную рабочую силу. Для производства эпохи Ф. Тейлора и Г. Форда данный тезис, пожалуй, работает. Однако авторитетными исследованиями западных (например, теоретиками постиндустриализма) и отечественных ученых (например, работы В.В. Орлова), показано, что автоматизированный труд способствует формированию сложной высококвалифицированной рабочей силы, принципиально отличной от работников машинного типа труда (включая конвейерное производство). Вероятно, можно говорить также о формировании определенного рода независимости и работника от капитала.

Индивидуализированное общество постмодерна, по мысли З. Баумана, разрушает ключевую черту предшествующего общества – уверенность, которая выступала как уверенность в себе, в других людях, в общественных институтах. «Сегодня ситуация уже не такова или, по крайней мере, быстро перестает быть таковой, – отмечает З. Бауман, – Ни один разумный человек не предполагает провести всю свою трудовую жизнь, либо даже значительную ее часть, в одной компании. Самые дальновидные люди предпочтут вручить свои сбережения печально известным своей рискованностью инвестиционным и страховым компаниям, играющим на бирже, а не рассчитывать на пенсию по старости, которую может предоставить им компания, где они трудятся в данный момент» [2, 36]. Ненадежность, неустойчивость, уязвимость – вот ключевые особенности современного образа жизни [3, 173]. Ненадежность заставляет людей придерживаться стратегии получения мгновенной выгоды. Окружающий мир предстает как совокупность товаров, предназначенных для непосредственного потребления – происходит консьюмеризация мира, формируется общество потребления, в котором возникают серьезные

затруднения в формировании длительных человеческих отношений, их дезинтеграция. Ориентация не на производство, а на потребление усиливает эту дезинтеграцию, ведь само потребление является по своему характеру индивидуализированным (тогда как производство, напротив, предполагает интеграцию усилий) [3, 178].

В этих идеях обнаруживается пересечение идей З. Баумана с «обществом потребления» Ж. Бодрийяра [4]. Однако, как и Ж. Бодрийяр, З. Бауман ограничивается феноменологическим описанием некоторых аспектов формирующегося общества.

Беря за основополагающую характеристику текучесть, изменчивость действительности, можно оказаться на позициях релятивизма, потеряв фундамент развития общества. Увлекаясь исследованием формы (отношений между людьми, между трудом и капиталом), можно потерять содержание (особенности самого труда, который и приводит, на самом деле и к трансформации отношений с капиталом, и к гибким принципам организации труда, и к другим последствиям).

Надо сказать, что с идеей изменчивости общества можно также встретиться в футурологических работах Э. Тоффлера, начиная с «Шока будущего» (1970 г.), где мыслитель говорит о возросшей скорости перемен в социуме, находящегося на стадии перехода к третьей волне, а также о проблемах адаптации человека к новым условиям [6].

Э. Тоффлер также говорит о различных психологических проблемах, которые отмечает и З. Бауман, например, об ощущениях ненадежности, неуверенности, растерянности. Э. Тоффлер называет это «шоком будущего» – психологическим состоянием, обусловленным проблемами с адаптацией к новым условиям. З. Бауман указывает на подобные проблемы, говоря о становлении общества постмодерна – текучего общества современности. Возможно, явное сравнение концепций З. Баумана и Э. Тоффлера не является вполне оправданным, поскольку они исходят из различной методологии. Однако описывают они единый объект – современное общество. Причем, многие черты выделяются ими сходным образом, что подтверждает, в целом, адекватность их подходов. Однако, как при прочтении Э. Тоффлера, так и при работе с книгами З. Баумана остается не ясным вопрос о причинах происходящего, о глубинных сущностных основаниях, детерминирующих новое общественное состояние. Феноменологическое описание социальной реальности оказывается скованным многообразием явлений, скрывающим сущность, которую, по нашему мнению, следует искать в изменениях человека и его способности к труду, исследование которой не является центральной задачей ни постмодернизма, ни постиндустриализма.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.

5. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М., 2010.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ДЖ. РИТЦЕРА

Для обозначения одной из ключевых тенденций современности Дж. Ритцер использует термин «макдональдизация», впервые введенный им в социологическую теорию в 1993 году. Его работа «Макдональдизация общества» пережила несколько изданий и с существенными дополнениями была издана пятый раз в 2011 году [7].

Известно, что «Макдональдс» – это сеть американских ресторанов фаст-фуд, имеющих широкую мировую известность и распространивших свою географию и свое влияние далеко за пределы Америки. Макдональдизация – это не просто распространение ресторана «Макдональдс», а превращение его функциональных принципов в базисные принципы организации современной социальной жизни, способствующей ее дальнейшей рационализации. Макдональдизация – это эволюционировавшие принципы общества модерна, индустриального общества, имеющие своими истоками рациональность бюрократических организаций, а также тейлоризм и фордизм как рациональные системы организации труда при индустриализме.

Идея все большей рационализации общества при капитализме не нова и принадлежит М. Веберу. Под рационализацией он понимает процессы, приводящие к постоянной калькулируемости и управляемости поведением индивидов и институтов. Эволюция современных обществ является, по Веберу, расколдовыванием мира – изгнанием чудес и рационализацией, связанными с ростом предсказуемости.

Дж. Ритцер использует идею рационализации и утверждает, что сегодня процесс рационализации выступает в форме макдональдизации. Как отмечено ранее, макдональдизация – термин для обозначения широкого круга социальных явлений и процессов, подчиненных принципам рационализации, подобно тем, которые имеются в ресторанах фаст-фуд сети «Макдональдс». Эта рационализация охватывает как производство, так и потребление. Хотя необходимо отметить, что подобно Ж. Бодрийяру, Дж. Ритцер интересуется больше феноменом потребления, нежели процессом производства.

В основе макдональдизации лежат четыре принципа:

1. *Эффективность*, связанная с подбором оптимальных средств достижения требуемой цели;
2. *Просчитываемость* как учет лишь количественных факторов, в результате чего количество становится синонимом качества;
3. *Предсказуемость*, подразумевающая, что товары и услуги будут одинаковыми, независимо от времени и места продажи, а также одинаковым будет поведение обслуживающего персонала.
4. *Контроль* с помощью «нечеловеческих технологий», то есть технологий, контролирующих людей (примерами может служить конвейер или «проездное окошко» в ресторане «Макдональдс») [7].

На подобных принципах рациональности были основаны бюрократия, а также конвейерное производство Ф. Тейлора и Г. Форда – типичные феномены индустриального типа общества. Указание на бюрократию и производство конвейерного типа как примеры индустриальной цивилизации можно найти в работах классиков постиндустриализма, в частности, в трудах Э. Тоффлера. Э. Тоффлер противопоставлял бюрократии, как организационной структуре индустриальной цивилизации, адхократию супериндустриального общества, а труду на конвейере – новые формы труда, включая автоматизированный труд на фабриках нового типа [8, 9, 10].

Возникает ощущение, что макдональдизация – это рудиментарным образом сохранившиеся элементы индустриализма. О родстве макдональдизации и индустриализма можно судить по сходству ее принципов (эффективность, просчитываемость, предсказуемость, контроль) и принципов индустриального общества, сформулированных Э. Тоффлером (стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация) [8]. Дж. Ритцер также задается вопросом, каким образом соотносится макдональдизация, видимая невооруженным глазом любому обывателю, с также заметными и влиятельными новыми трендами – постиндустриализмом, постфордизмом, постмодернизмом. В своей книге «Макдональдизация общества 5» исследователь уделяет этому вопросу отдельные разделы.

Макдональдизация, как стремление к предельной рационализации труда и потребления, как тенденция разложения процессов до их простейших, «атомарных» операций, подобно трудовым операциям на конвейере, реально присутствует в современных обществах. Дж. Ритцер в своих работах приводит и анализирует сотни примеров макдональдизированных социальных практик, характерных для современного образа жизни, его ритма. Эти практики быстро распространяются, принимая все новые и новые формы. Макдональдизируется пресса, досуг, образование, медицина спорт. В результате мы имеем дело с «Мак-газетами», где аналитические статьи вытесняются краткой информацией, картинками и развлечениями; в сфере высшего образования появляются «Мак-университеты», проверяющие знания студентов с помощью «Мак-тестов», позволяющие получить минимум знаний по предмету для сдачи экзамена и снижающие до минимума

творческое общение студентов и преподавателей; даже в медицине мы можем встретиться с практикой «Мак-докторов», которые, подобно рабочим на конвейере Г. Форда, «обрабатывают» пациентов.

В то же время имеются и противоположные тенденции. Например, Дж. Ритцер ссылается на теорию постиндустриального общества Д. Белла, доказывающую смену фокуса с производства товаров на производство услуг, подъем новых технологий, рост знаний и средств обработки информации, рост числа ученых и инженеров и их влияние на жизнь общества, доминирование творческих профессионалов, а не рационализированных служащих. Д. Белл также использует убедительные доказательства, с которыми нельзя поспорить.

Таким образом, тенденции макдональдизации и постиндустриализации сегодня сосуществуют. Аналогично можно утверждать наряду с экспансией макдональдизации новых организационных принципов постфордизма (который, кстати, часто рассматривается как одно из следствий постиндустриализации). Система постфордизма подразумевает: снижение интереса к массовым продуктам и повышение интереса к более индивидуализированным и специализированным; особое внимание к стилю и качеству продукции; меньшую серийность производства; гибкое производство; более умелых работников; большую дифференциацию на работе, ведущую к большей дифференциации в обществе. По своей природе постфордизм – абсолютная противоположность фордизма, ориентировавшегося на массовое производство гомогенных продуктов, негибкие технологии и стандартизированную рутину. Необходимость и возможность постфордизма, во многом, обусловлена требованиями и возможностями, которые перед человеком открыла автоматизация. И хотя постфордизм, по мнению Дж. Ритцера, уже себя проявляет, элементы фордизма все еще присутствуют и проявляются через гомогенные продукты и услуги, жесткие технологии, рабочую стандартизированную рутину, взаимосвязанность работников. Вывод Дж. Ритцера – фордизм жив и трансформировался в макдональдизацию (при этом, и «старый» конвейер также имеет место). Таким образом, постфордизм и макдональдизация также сосуществуют в едином социальном пространстве.

Наконец, Дж. Ритцера интересует, как соотносятся макдональдизация и постмодернизм, в стадию которого, по мнению некоторых исследователей, входит современное общество. Для Дж. Ритцера важен вопрос: является ли постмодерн абсолютно новым, неизвестным ранее состоянием общества? При этом Дж. Ритцер, скорее, склонен дать отрицательный ответ на этот вопрос. Ссылаясь на Джеймсона, Ритцер видит в постмодерне лишь позднюю стадию модерна (и поздний капитализм). В этом смысле, макдональдизация не противоречит постмодерну, поскольку обнаруживает с ним сходство через следующие характеристики: 1) связь с поздним капитализмом; 2) поверхностность; 3) угасание эмоций и аффектов; 4) потеря историчности; 5) репродуктивные технологии (воспроизводство того, что было произведено ранее).

Интересно, что современный отечественный мыслитель А. Дугин относит феномен постмодерна к «черным чудесам» постмодерна, называя его «храмом экстатического топоса». «Макдональдс», по А. Дугину, – один из примеров постмодернистских симулякров, соблазняющий человека «экстатический топос».

«"Макдональдс", – пишет А. Дугин, – радуется, причем на очень хороший срок. Он радуется, забавляет, развлекает и не пойми чем – еда там безвкусная, содержания никакого в "Макдональдсе" нету, витаминов тоже, но, тем не менее, это и есть *постмодернистическая утопия*, то есть место, которого нет. И не случайно в нем сидит клоун, показывая, что это место ироничное, это насмешка над идеей ресторана, еды, пищи, это псевдосакрализация еды, туда люди приходят, действительно, не пойми зачем, и так возникает некое "чудо"... "Макдональдс" – это тоже пример черных чудес, потому что ни причинной, ни целевой нагрузки он не несет» [3, 113–114].

Закончив сравнение макдональдизации с пост-феноменами – постиндустриализмом, постфордизмом, постмодернизмом, Ритцер делает вывод, что макдональдизация демонстрирует черты, как модерна, так и постмодерна.

По нашему мнению, Дж. Ритцер прав, когда говорит о сосуществовании в современном социуме макдональдизации, как развившихся принципах индустриального общества, и новых, выводящих за ее пределы, включая прежнюю рациональность, трендах (постиндустриализм и пр.).

Что-то новое всегда рождается через диалектическую борьбу низшего с высшим, старого с новым. Новая рациональность рождается из противоречий, которые возникают в современном социуме, в том числе, борьбы макдональдизации и постиндустриализации. «Иррациональность рационального» (оборотная сторона макдональдизации, по Ритцеру) как одно из центральных противоречий макдональдизации также должна привести, согласно диалектическим законам, к ее трансформации – либо постепенному сглаживанию противоречий (естественному «отмиранию» макдональдизации), либо к революционному скачку в новое состояние.

Макдональдизация, по нашему мнению, является также одной из попыток рынка «самосохраниться», «адаптироваться» к новой, постиндустриальной среде. Упор на количественные показатели, в частности на более рациональное использование рабочего времени как основу стоимости (товара или услуги) – это базовые принципы рынка (и рыночной стоимости), которые, как показано, например, В.В. Орловым, перестают работать в постиндустриальных отраслях, где абстрактный труд, как основа стоимостного отношения, отходит на задний план [5].

Макдональдизация, успешно «эксплуатируя» принцип предсказуемости, как бы психологически помогает человеку в быстро меняющемся современном мире – «текущей современности» (термин З. Баумана), вызывающей «шок будущего» (термин Э. Тоффлера) вследствие неспособности и неумения человека адаптироваться к новой реальности. Предсказуемость предполагает, что товары услуги будут одинаковыми,

независимо от времени и места, когда и где они предлагаются. Успех принципов работы ресторана быстрого обслуживания и макдональдизированных отраслей в целом (например, «Дисней Лэнд», магазины «Икея» и пр.) состоит в том, что люди испытывают комфорт, что в столь хаотичном мире на его локальном уровне есть фактор порядка – здесь так мало сюрпризов.

Макдональдизация, возможно, есть попытка дать новое дыхание, новую жизнь абстрактному труду, попытка распространить рыночные принципы даже на нерыночные сферы – образование и медицину. Это, на наш взгляд, одно из самых опасных, самых дегуманизирующих последствий макдональдизации. Хотя вся макдональдизация в целом, как убедительно проиллюстрировано Дж. Ритцером, является дегуманизирующей (и в этом одно из проявлений ее иррациональности). Макдональдизация предлагает человеку обучаться в Мак-университетах, где знания контролируются тестами, общение студентов с профессорами максимально сокращается, и вообще посещение лекций перестает быть необходимым – можно купить готовые лекции и готовые курсовые работы. Преподавателей в Мак-университетах, согласно ключевому – количественному – принципу макдональдизации начинают оценивать через рейтинг, индексы цитирования и т.п. Его величество Количество пытается оценить интеллектуальный вклад ученого через безликую и равнодушную к качеству рейтинговую оценку.

Проникнув в медицину, макдональдизация стремится и ее подчинить рынку, навязать ей свои принципы рациональности. Медицина превращается в конвейер. В качестве особо поразившего медицинского конвейера Дж. Ритцер приводит пример Московского НИИ микрохирургии глаза, где делают двадцать операций за час и каждый врач-рабочий (мак-доктор) имеет лишь три минуты, чтобы выполнить свою часть операции. Целями в Мак-медицине, так же как и в Мак-университете, являются количественные показатели и количественно измеряемая эффективность.

Негативные последствия макдональдизации таких, в принципе нерыночных по своей природе отраслей, как образование и медицина, на наш взгляд, очевидны.

Макдональдизация – образный и яркий термин для обозначения противоречащей постиндустриализму тенденции, попытки индустриальной системы и ее детища – рынка – сохранить и продолжить свое влияние в нарождающемся новом обществе. Дальнейшее сохранение и распространение макдональдизации, по нашему мнению, возможно лишь в некоторых сферах – прежде всего, традиционных для индустриальной системы, где возможно пооперационное дробление труда, разделение труда на умственный и физический, измерение результатов труда затраченным трудовым временем. Некоторые отрасли уже сейчас, в принципе, оказываются неподвластными макдональдизации – труд ученых (как бы не хотелось, но процесс совершения научных открытий не может быть подчинен принципам макдональдизации, а ценность научного открытия не может быть измерена в терминах рыночной стоимости); труд программистов

– центральных субъектов постиндустриального общества; труд работников многих творческих профессий; труд «протребителей» (термин Э. Тоффлера) [8, 9, 10], «креативных профессионалов» (термин Р. Флориды) [11] и «свободных агентов» (термин Д. Пинка) [6], составляющих сегодня значительную часть неучитываемой, неофициальной экономики (подробно последствия распространения «экономики протребления» рассматривает в своих работах Э. Тоффлер).

При этом число подобных, в принципе «немакдональдизирующихся» отраслей, по нашему мнению, будет возрастать по мере движения в постиндустриальное общество.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
3. Дугин А. Радикальный субъект и его дубль. М., 2009.
4. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М., 2010.
5. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006.
6. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
7. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М., 2011.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003.
10. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М., 2008.
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

Патырбаева К.В.

*К. филос. н., ст. преп. кафедры философии
ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА,
Докторант кафедры философии
ФГБОУ ВПО ПГНИУ,
г. Пермь, Россия*

СВОБОДНЫЙ АГЕНТ КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР ПО КНИГЕ Д. ПИНКА «НАЦИЯ СВОБОДНЫХ АГЕНТОВ»

Д. Пинк, написавший книгу «Нация свободных агентов», посвятил ее новому субъекту экономики – свободному агенту, для которого характерен новый трудовой стиль и новый образ жизни. Для написания данной книги Д. Пинк провел «полевое исследование», он много путешествовал, встречаясь и беседуя с людьми, которых он называет «независимыми работниками». В свое время Д. Пинк сам пережил определенный мировоззренческий кризис, заставивший его поменять работу. Вопрос о том: почему люди готовы оставить постоянное место работы и стать «независимыми работниками», а

так же то, к каким последствиям это приводит, становится для Д. Пинка одним из основных.

В концепции Д. Пинка осуществляется противопоставление *двух типов человеческой идентичности* – «человека организации» и «свободного агента».

Одна из главных концептуальных идей Д. Пинка – это конец *человека организации*. Человек организации – обобщенное наименование для индивидов как наемных работников, трудящихся на условиях полной занятости на определенную компанию (организацию) и получающих заработную плату.

По мнению Д. Пинка, конец XX и начало XXI столетия характеризуются тем, что во всех отраслях и регионах экономики США занятость переживает очень серьезные трансформации: «Миллионы жителей США, как и все больше граждан других стран, отказываются от одного из самых долгосрочных результатов промышленной революции, постоянного рабочего места, и создают новые формы занятости. Они становятся самостоятельными работниками умственного труда, владельцами домашнего бизнеса, временными и постоянно-временными работниками, фрилансерами и «елансерами», независимыми кон тракторами и специалистами, микро-предпринимателями и «инфо-предпринимателями», консультантами с неполной занятостью, временными администраторами, специалистами по устранению неисправностей по вызову и «солистами», постоянно работающими в одиночку. Многие из тех, у кого по-прежнему номинально есть рабочее место, трудятся в условиях, которые, по сути, позволяют считать их скорее свободными агентами, чем традиционными работниками. Они общаются с помощью компьютера. Они переходят из компании в компанию. Они создают предприятия, которые юридически являются их работодателями, но сами фактически зависят от их труда. Еще они меняют или вынуждены менять стабильную зарплату на оплату труда по результатам – комиссионное вознаграждение, акционерные опционы и бонусы, оговоренные в контрактах» [1; с. 26–27].

Знание об этих новых независимых работниках, по мнению Д. Пинка, имеет первостепенное значение для осмысления как трудовой деятельности отдельно взятым индивидом, так и для понимания будущего экономического развития стран и регионов [1].

Свободный агент – это, прежде всего, отрицание человека организации, его целей, формы занятости, образа жизни, которым он вынужден жить. Иначе говоря, это обретение *новой идентичности*. Концепция человека организации была разработана в середине XX века У. Уайтом. Понятие «человек организации» раскрывало квинтэссенцию американского работника. Человек организации – это чаще всего мужчина, который отказывался от своей индивидуальности и амбиций ради служения крупной организации, вознаграждавшей его за пожертвование регулярной заработной платой, обещанием стабильной работы и надежного места под солнцем. Люди организации, с одной стороны, проповедовали индивидуализм, однако,

с другой стороны, они довольствовались хорошей работой с достаточной заработной платой и достойной пенсией и симпатичным домом в приятном месте, населенной людьми, как можно более похожими на них. Они придерживались особой «социальной этики», в центре которой была организация: катехизис трудовой этики гласил, что если вы преданны организации, она будет преданна вам. Чувство принадлежности значило больше, чем индивидуальность, а коллективизм – больше, чем возможность самовыражения. У. Уайт обнаружил, что трудовая этика человека организации распространяется далеко за пределы корпораций – с ней можно было встретиться и в университетах, и в лабораториях. Отношение корпораций к работникам в тот период можно назвать термином «корпоративный патернализм» – компания являлась как бы родителем для своих тружеников, относилась к своим сотрудникам с родительской заботой и попечительством. В эпоху человека организации существовали общепринятые представления о работе – это голубой или белый воротничок, рабочие ботинки, серый фланелевый костюм. Люди обычно приходили на работу в одно и то же время и уходили домой стройными рядами. Для единообразной работы нужны были единообразные работники».

Организация и управление трудом строились на основе управленческих технологий Ф. Тейлора. В основе его теории научного управления лежали повторяемость, рутинизация, стандартизация и «наилучший способ» (One best way) трудовых операций. Этот метод всецело соответствовал массовому производству (машинного типа).

Однако ситуация изменилась в конце 1980-х и особенно в 1990-е годы, когда начался отход от массового производства. Система Тэйлора (Taylorism) перестает работать, когда мы говорим о «свободном агенте». В основе экономики свободных агентов лежит персонализация, кастомизация и интересы личности. Д. Пинк называет это индивидуальным подходом к трудовым отношениям (tailorism). В условиях индивидуального подхода свободные агенты строят свою трудовую жизнь в соответствии со своими потребностями и желаниями, отказываясь от стандартных ценностей, правил и форм трудовой занятости. Индивидуальный подход трудовым отношениям является противоположностью этики единого корпоративного стандарта, характерного для эпохи Человека Организации.

С появлением «свободного агента» начинается пересмотр главных представлений о работе и жизни в современных США. Новые взгляды состоят в следующем:

1. Трансформируется привязанность к работе. В отличие от «вертикальной» привязанности индивида к своей организации, привязанность свободных агентов носит «горизонтальный» характер. Это привязанность не к рабочему месту, не к организации как к работодателю, а искренняя преданность своим клиентам, коллегам, бывшим сотрудникам, командам, профессии, проектам, отраслям.
2. Рабочая сила находится в свободном движении и работает без учета общественного договора о трудоустройстве. Сегодня на первом месте –

общественный договор между обществом и свободным агентом, предполагающий, что человек обменивает свой талант на возможности.

3. Рост перестает рассматриваться как главный критерий экономического успеха.

4. Экономическая защищенность свободного агента приобретает новый характер: в ее основе лежит диверсифицированный портфель заказов, потребителей, проектов.

5. Для большинства свободных агентов характерно стирание границы между работой и семьей.

6. Меняется роль женщин. По мнению Д. Пинта, женщины «вполне могут стать лидерами экономики свободных агентов» [1; с. 38].

7. Рост числа свободных агентов способствует укреплению социальных связей, созданию общности. Свободные агенты способны создавать «истинную общность», основанную на правильно понимаемых индивидуальных интересах.

8. Сегодня не индивиды заинтересованы в организации, а наоборот, организации в индивидах. Если работники – свободные агенты, то их можно заинтересовать или поставить перед ними сложную задачу, но не удержать.

9. Система образования, особенно школы, отстают от реальности, где ведущую роль занимает свободный агент. По мнению Д. Пинка, многие реформы в области образования были направлены для совершенствования тейлористских решений для тейлористской рабочей силы.

Д. Пинк указывает, что при подсчете количества свободных агентов возникают сложности. «Проблема заключается в том, – пишет он, – что свободные агенты, а также все больший процент трудящихся не очень хорошо вписываются в категории «работодатель» и «работник» Свободные агенты не являются ни работодателями, ни работниками; они одновременно те и другие» [1; с. 42].

По мнению Д. Пинка, для удобства статистических расчетов необходимо выделить различные категории (типы) новых работников. Он дает классификацию, включающую три типа свободных агентов:

1. *«Солисты» или самостоятельные работники.* Это наиболее распространенный тип. К нему могут быть отнесены люди, работающие на себя, обычно в одиночку, переходящие от одного проекта к другому и продающие свои услуги. При этом они добровольно переходят в статус «свободного агента». Для наименования данного типа занятости также часто используют термин «фрилансинг» (от английского *«free lance»* – вольный копеечник). Используемое первоначально даже с презрением, сегодня термин «фрилансинг» (*freelancing*) используется с большим уважением. Как отмечает Д. Пинк, названия многих современных профессиональных ассоциаций включают слова *freelance* или *freelancers*. В данной категории работников возникла даже специфическая подкатегория, которую профессор Массачусетского технологического института Том Мэлоун назвал «е-лансерами» (*e-lancers*). «Е-лансеры» ищут работу через Интернет, создают виртуальные команды для выполнения определенных проектов, а по их

завершению вновь расходятся в виртуальном пространстве. Термин «фрилансер» (freelancer) носит разговорный характер. Его синонимом в современной юридической литературе выступает термин «независимый контрактор», определяющий нового типа работника через отрицание. Независимый контрактор – это не наемный работник, он не состоит в длительных (постоянных) отношениях с одним работодателем. Также для обозначения «солистов» используются такие термины как консультанты (consultants), пермалансерами (permalancers), техно-ковбоями (techno-cowboys), наемными стрелками (hired guns), одинокими бродягами (lone rangers), гуру (gurus), кочевниками (nomads), цыганами (gypsies), таксистами (cab drivers) и охотниками за информацией (information backpackers), орлами-одиночками (lone eagles), портфельными работниками» (portfolio worker). Компания Aquent Partners, специализирующаяся на найме временных работников использует термин «независимые профессионалы» (Independent professionals). У «солистов» есть целый портфель клиентов, задач и ролей, а не единственная функция, узкая задача и один работодатель. Число людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, в США возрос с 1998 года по 2000 год с 22% до 26% и по данным ежегодного обследования независимой рабочей силы Aquent Index – 33 млн. (почти четверть от общего количества занятых). Прогнозы говорят о возможном дальнейшем росте данной категории занятости, поскольку, согласно исследованию 1996 года, более 80% обследуемых предпочитали свой статус «независимого контрактора» работе на работодателя. При этом они имели доход примерно на 15% выше, чем их коллеги, работающие по найму.

2. *Временные работники.* Они, в отличие от первой группы, часто вынуждены становиться свободными агентами не по собственной воле. Согласно исследованиям, «большинство временных работников предпочло бы изменить свой статус, если бы условия рынка труда или их личное положение изменилось. Они могут быть разделены на две большие группы: 1) высокооплачиваемые высококлассные специалисты своего дела; 2) временные квалифицированные или низкоквалифицированные работники, которые получают оплату за свой труд, но не имеют привилегий, которыми обладают «полноправные» сотрудники компании.

3. *Микропредприниматели.* В настоящее время растет число очень малых предприятий, где работает иногда 2–3 человека, некоторые из них могут работать на временной основе, занимаясь своим делом помимо основной работы. Другие работают в отраслях, в которых оплата производится наличными, и потому ускользают от внимания государственных статистических служб. Количественные оценки микропредприятий в США расходятся, однако, как правило, называется цифра около 20 млн. и более. Ранее существовавший стереотип, что работа на дому – это, преимущественно, женская работа, сегодня может быть опровергнут. По данным исследований в США более половины домашних работников – мужчины. «Среднему домашнему работнику 44 года, он женат, имеет специальное образование (помимо среднего) и занимается работой на дому

почти десять лет» [1; с. 52]. При этом влияние женщин в сфере микропредпринимательства также растет. Большинство такого рода предприятий могут быть отнесены к двум типам: 1) предприятия по техническому обслуживанию (уборка, ремонт, строительство); 2) предприятия, оказывающие услуги другим предприятиям (обработка данных, графика, бухгалтерский учет). Достаточно интересной разновидностью подобного рода предприятий являются *нанокорпорации (nanocorp)* (термин Джима Симонса и Тимлина Бабицки) – «ужасно маленькие предприятия», причем размер такого предприятия отражает личные предпочтения владельцев и лежит в основе конкурентной стратегии.

Для того чтобы «свободный агент» исторически начал свое существование, по мнению Д. Пинка, были необходимы «четыре ингредиента»:

1. *Должны были измениться отношения между индивидом и организацией.* Ранее индивиды делали то, что предписывала им корпорация, а корпорация обеспечивала им пожизненную занятость (например, компания IBM гарантировала своим сотрудникам, что никогда не уволит их). С определенного времени (1980-е – 1990-е годы) подобная политика стала трудновыполнимой. Патерналистские отношения между индивидом и корпорацией разрушились.

2. *Должны были сформироваться новые технологии.* До промышленной революции было достаточно мало людей имеющих «работу» как официальную занятость. Если не считать немногочисленных солдат и священников, почти никто не работал в крупных организациях. У основной массы трудящихся в этом не было потребностей. До промышленной революции люди могли легко приобрести и хранить дома то, что необходимо для производства на дому. Только когда средства производства стали слишком дороги и громоздки для того, чтобы держать их дома и поддерживать в работоспособном состоянии силами одного человека, началось доминирование крупных организаций. В условиях индустриальной экономики средства производства были слишком дороги и сложны для одного человека и уже не помещались в доме. Сегодня, во многом благодаря результатам информационной революции, средства производства вновь стали доступными, недорогими, возможными для хранения дома и обслуживания одним человеком – имеется в виду, прежде всего, компьютер, программное обеспечение. По некоторым оценкам, сегодня на пять человек приходится три компьютера, а домашний офис способен обеспечивать «такую же вычислительную мощность, как начинка космического корабля «Аполлон-11» [1; с. 61]. Многие устройства становятся портативными. По словам Д. Пинка, «это делает средства производства подобными раковине улитки, то есть технологическому «дому», который работники умственного труда всегда могут носить с собой» [1; с. 61].

3. *Должен был быть сформирован определенный уровень благосостояния.* Д. Пинк говорит о том, что к 1990-м годам уровень жизни среднего класса достиг определенного достаточно высокого уровня. По его мнению, «когда

ожидание комфорта вытесняет страх перед бедностью, функции занятости расширяются. Работа становится не просто источником средств к существованию. Люди начинают работать не просто для того, чтобы заработать деньги, но и для того, чтобы наполнить смыслом свою жизнь. Если человеку не нужно беспокоиться о жилье и об удовлетворении других первоочередных потребностей, он вполне может заниматься тем, что ему нравится, то есть тем, что позволяет удовлетворять духовные потребности. Поскольку работа в корпорации оказывается лишенной смысла, все больше работников становится свободными агентами» [1; с. 63]. Работа стала возможностью для самореализации. В эпоху недорогих компьютеров, беспроводных портативных устройств, широкого распространения и дешевизны доступа к Интернет трудящиеся могут быть собственниками своих компактных и высокоэффективных средств производства. Данный феномен Д. Пинк условно называет «цифровой марксизм» [1; с. 65].

4. *Должны были произойти радикальные изменения в структуре и деятельности организаций.* Сегодня «период полураспада» организаций сокращается – организации возникают и исчезают гораздо быстрее, чем ранее. «Жизненный цикл компаний сжался, как время в интернете», – отмечает Д. Пинк [1; с. 64].

Для человека организации работа означала отказ от себя и подавление своей индивидуальности ради достижения внешней цели. Сегодня трудовая этика переживает серьезные трансформации.

В свое время А. Маслоу доказал, что человек – это нечто большее, чем просто фрейдистский клубок подсознательных побуждений. Человеческая мотивация имеет более глубокие причины и более глубокую цель, а именно – самоактуализацию, которая способствует раскрытию заложенных в человека талантов и потенциальных возможностей. По мнению Д. Пинка, именно пирамида Маслоу с потребностью в самоактуализации на ее вершине – это ключ к пониманию свободных агентов как новой рабочей силы. Когда базовые потребности людей удовлетворены, они стремятся к работе, наполненной смыслом. Новую трудовую этику свободного агента составляют четыре ценности: свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность, собственные критерии успеха.

Свобода как возможность поступать по своей воле стала основой осмысленной работы. Каждый понимает самостоятельность по-своему. Для кого-то самостоятельность – это, прежде всего, свобода слова, для кого-то – возможность выбирать проекты, в которых участвовать, для большинства свободных агентов свобода означает *мобильность, разнообразие и контроль*. Для некоторых свободных агентов высшим проявлением свободы является свобода совести – их заставляли уходить из крупной организации этические соображения (по данным 1999 года 30% работников сталкивались с неэтичным поведением на работе). Некоторые американские компании пытались завоевать или купить свободу личности – окружая опекой своих сотрудников, обещая обогатиться при помощи акционерных опционов и пр.

Новая трудовая этика свободных агентов сегодня допускает, а иногда даже требует самовыражения. Для многих свободных агентов работа неотделима от собственного «я». Это имеет свои плюсы. Однако если работа глубоко проникла в ваше «я», от нее сложнее абстрагироваться, а это значит, что работа может целиком поглотить человека и даже подавить его личность. Решению данной проблемы Д. Пинк не уделяет особого внимания – он только обозначает ее как проблему и двигается дальше, выделяя помимо свободы и стремления оставаться самим собой третий важный компонент новой трудовой этики – это ответственность, понимаемая как способность отвечать за работу своей головой и репутацией.

По мнению многих свободных агентов, на традиционной работе управленческая пирамида обычно расплывает ответственность (не всегда работнику ясно: плохо или хорошо он выполняет свою работу). Когда же человек работает, как свободный агент, в его распоряжении огромная степень свободы и в то же время – очень большая ответственность. Для многих свободных агентов ответственность неотделима от свободы, от нее же (ответственности) зависит и степень удовлетворения от работы. Один из консультантов в шутку даже называет себя «результантом» – это иллюстрирует нам новое отношение к работе, не известное «человеку организации». Для многих свободных агентов деньги перестают быть главным стимулом к работе. Одно из исследований в 1999 году показало, что деньги не являются главным побудительным мотивом для девяти из десяти респондентов: они заявили, что основным фактором, повлиявшим на их решение стать независимыми работниками, была возможность устанавливать собственные приоритеты и ни от кого не зависеть [1; с. 83]. Одной из причин, заставлявшей людей покидать их старую работу, часто была скука, как следствие невозможности самостоятельно решать сложные задачи и постоянно учиться.

Продвижение по службе как традиционный стимул к труду также перестает быть значимым для свободных агентов, тогда как для человека организации успех определялся его служебным положением. Д. Пинк использует интересную мысль для иллюстрации отношения к служебному продвижению свободными агентами. Он называет это принципом анти-Питера. Согласно принципу Питера, люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до тех пор пока не получают должность, на которой они оказываются некомпетентны. Согласно новому принципу анти-Питера, сформулированному Пинком, люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока они получают от этого удовольствие – когда удовольствие исчезает, талантливые работники (прежде всего, люди творческого склада и изобретатели) увольняются [1; с. 85].

Свободные агенты склонны к тому, чтобы самим формулировать критерии успеха.

Для свободных агентов радостная работа сама по себе часто является добродетелью – сама себе служит наградой.

Д. Пинк резюмирует новое трудовое кредо современных работников следующим образом: «Упорный труд ради награды в будущем нередко приносит пользу, но работа должна иметь ценность сама по себе. Поскольку ни одна должность не вечна, всегда есть другие варианты, и никто не страдает от бедности. От того, что делаешь, вполне можно получать удовольствие. Делай хорошо ту работу, которая позволяет по-настоящему выразить себя. Используй свою свободу для того, чтобы взять на себя ответственность за работу. Сам решай, что такое успех. И если ты не получаешь удовольствия, хотя бы время от времени, значит, ты делаешь что-то не то» [1; с. 89].

Появление «свободного агента» оказывает влияние также на трансформацию трудового договора – меняются две ключевые ценности трудового договора эпохи организационного человека: социальная защищенность и преданность организации. Сегодня необходима диверсификация работы, поскольку нет гарантии занятости. Диверсификация, то есть распределение риска за счет использования независимым работником портфеля проектов, подрядчиков, навыков и заказчиков, – это оптимальная стратегия хеджирования. Также есть и другие методы страхования, например, работа по совместительству (во времена человека организации работа по совместительству была табу, сегодня совместительство вновь «реабилитируется»). Претерпевает также изменения понятие преданности компании. Перестает занимать центральное место «вертикальная преданность», когда работник преданно выполняет все поручения начальника, а последний также предан работнику в предоставлении различных благ. «Но на самом деле, – полагает Пинк, – именно вертикальная преданность, которая иногда бывает удобна, в целом весьма опасна. Например, глубокая привязанность к одной организации может нанести ущерб личности. Длительная работа на одного работодателя может привести к притуплению навыков и нарушить контакт с быстро меняющимся миром, в результате чего преданность может превратиться в зависимость» [1; с. 101]. При этом Пинк отмечает, что преданность не исчезает полностью, она начинает носить иной характер. «Преданность, которую вы найдете, будет уже не вертикальной, а горизонтальной, распространяющейся не снизу вверх и сверху вниз, а во всех направлениях», – делает вывод исследователь [1; с. 102]. Речь идет не просто о преданности начальству (тем более, что часто начальством для свободного агента выступает он сам), а о преданности командам, коллегам, бывшим коллегам. Еще одной формой горизонтальной преданности является преданность свободных агентов своему цеху: не имея связей в профессиональной среде, труднее повышать квалификацию, оставаться в курсе современных тенденций и находить новые заказы. Этим объясняется быстрый рост количества членов профессиональных ассоциаций (объединений людей, имеющих общий род занятий) и сокращение количества членов отраслевых профсоюзов (объединений людей, работающих на одного работодателя). Также свободные агенты выражают свою преданность проектам и

продуктам, в этом проявляется своеобразная «гордость мастера» (которыми, по словам Д. Пинка, и считают себя многие свободные агенты). Помимо прочего, возрастает преданность семье: те, кто работает дома, чтобы быть ближе к детям; те, кто работает на условиях неполной занятости, чтобы лучше выполнять семейные обязанности, – все эти люди, по мнению Д. Пинка, демонстрируют горизонтальную преданность.

Вертикальная и горизонтальная преданность отличаются не только количественно, но и качественно. Если в основе вертикальной лояльности лежала одна прочная связь, то горизонтальная преданность предполагает множество связей различной прочности и продолжительности. Вертикальную лояльность можно сравнить с толстой веревкой, горизонтальную – с тонкой паутиной.

Результатом будет новая суть трудового договора: свободные агенты меняют свой талант на возможности (в эпоху человека организации трудовой договор выглядел как «преданность в обмен на социальную защищенность»). Возможности, которые свободные агенты получают в обмен на талант, могут иметь различную форму. Это может быть возможность поработать над интересным проектом, приобрести новые навыки, познакомиться с новыми людьми и увеличить сеть своих связей, получить удовольствие и, конечно, заработать. Возможности, понимаемые как деньги, знания, удовольствия и связи – вот то, к чему стремятся свободные агенты и что должны им предоставить организации и покупатели.

Для свободного агента важной характеристикой становится график работы и меняется отношение ко времени. В индустриальной системе производства значение времени были иными, чем сейчас. Время было основной единицей, на самих работников смотрели как на человеко-часы, которые работодатель мог купить и использовать по своему усмотрению (а именно – выжать из них все возможное). Представление о работе как о человеко-часах привело к возникновению почасовой оплаты. На новом рабочем месте большинство работников (свободные агенты или наемные работники) – это уже не просто человеко-часы. Многие из них продают больше, чем свое рабочее время – они продают знания, талант, опыт, идеи, творческие способности, умение решать проблемы, то есть то, что трудно измерить и еще сложнее сосчитать (особенно используя систему Тэйлора). Многие работники нового типа берут оплату за конкретный проект или решение определенной задачи, а не за часы рабочего времени: важны результаты труда, а не время физического присутствия на рабочем месте, не то, сколько часов и когда ты работал. Свободные агенты создают собственные схемы труда и отдыха, они сами контролируют свой график и в этом заключается основной плюс их работы. Минусами являются размытость границ между рабочим и свободным временем и непредсказуемость.

Закономерно возникает вопрос: уходя с традиционной работы, не остаются ли свободные агенты в изоляции в изоляции? На этот вопрос Д. Пинк дает отрицательный ответ – свободные агенты не работают в одиночку, они создают новые организации, заменяющие сообщества коллег (они

существуют в форме FAN-клубов, «мозговых центров», конфедераций, сетей предпринимателей, объединений «выпускников компании» и других добровольных объединений). Это неструктурированные организации, создаваемые «снизу». Их членов связывает горизонтальная преданность друг к другу, они призваны укреплять человеческие и профессиональные связи. Отношения между членами подобных объединений носят неформальный характер, отличаются гибкостью, могут носить временный характер и отличаются большой подвижностью отношений между членами. Эти факты разрушают мнение, что американское общество становится фрагментированным, происходит разрушение сообщества.

Новая схема отношений свободных агентов знаменует собой явление, которое социолог Барри Уэллман называет процессом массового перехода «от изолированных ячеек к социальным сетям» [1; с. 147]. Для свободных агентов слабые связи порой оказываются ценнее прочных, а количество контактов независимого работника – важнее их качества. Д. Пинк уверен, что «сила слабых связей имеет принципиальное значение для понимания организационной структуры свободных агентов. Такие редкие отношения связывают свободных агентов с людьми, имеющими другой круг знакомых, отличный от их круга. Именно потому, что эти связи слабы, они позволяют свободному агенту получать новые идеи, информацию и возможности» [1; 148].

Д. Пинк полагает, что «организационная структура свободных агентов подвижна и поэтому менее иерархична. Некоторые исследователи, например, Марьянски и Тернер, полагают, что именно организационная структура свободных агентов (а не жесткая вертикальная организационная структура корпорации) лучше сочетается с человеческой природой и нашим эволюционным наследием. Кроме того, отмечает Д. Пинк, организационная структура свободных агентов, то есть сеть, гораздо больше похожа на Интернет, а это наводит мысль о том, что свободные агенты в большей степени приспособлены к жизни в век информации, чем сотрудники традиционных корпораций [1; 150].

Организационная структура свободных агентов имеет своего рода «операционную систему», понимаемую как своеобразный код, позволяющий системе работать без сбоев. По мнению Д. Пинка, такой операционной системой является доверие. Некоторые ученые считают, что «взаимный альтруизм» заложен в человека генетически – предок человека должен быть делиться со своими соплеменниками, чем обеспечивалась взаимопомощь.

Далее, Д. Пинк показывает, что к настоящему времени сложилась целая инфраструктура, служащая основой работы свободных агентов. Она включает копировально-множительные центры, кафе, книжные магазины, бизнес-центры, Интернет, почтовые учреждения, службы экспресс-доставки. Такая система не управляется из единого центра, а носит самоорганизующийся характер и состоит из частных предприятий.

В современную эпоху появились новые профессии, необходимые для успешного функционирования «рынка талантов». Наиболее характерными из них являются:

1) *антерпренеры* – посредники, связывающие покупателей, ищущих талантливых работников, с самими талантливыми свободными агентами, нуждающимися в проектах;

2) *агенты (в том числе, агенты талантов)* – они представляют интересы независимых работников, ведут от их имени переговоры и дают им советы по личным и профессиональным вопросам;

3) *тренеры* – они играют роль консультантов по проблемам работы, а также помогают свободным агентам справляться с личностными проблемами, связанными с трудом и жизнью.

Изменения происходят и в семейной жизни свободных агентов. Индустриальная экономика разделяла работу и семью, экономика свободных агентов их воссоединяет: свободные агенты смешивают работу и семью. Сегодня растет число малых и средних семейных предприятий (они обеспечивают примерно 60% рабочих мест в мире). Частыми становятся браки между свободными агентами (до индустриальной экономики супруги также часто работали вместе).

В эпоху свободных агентов меняются понимание того, до какого времени люди должны работать. В XIX веке люди работали до того времени, пока у них были силы. В XX веке они работали до ухода в отставку или выхода на пенсию. В XXI веке люди будут работать до тех пор, пока не достигнут нового, еще не имеющего названия этапа жизни. Д. Пинк утверждает, что в эпоху Интернета выход на пенсию примет иной вид. Пинк называет ее «е-пенсией»: вместо того, чтобы полностью оставить работу люди будут продолжать трудиться в качестве свободных агентов, находя вакансии и выполняя заказы при помощи Интернета. В подтверждение неизбежности этой тенденции Пинк приводит ряд демографических фактов:

1) американцы стали жить дольше и лучше (средняя продолжительность жизни приближается к 76 годам);

2) Пожилые американцы готовы, хотят и могут работать;

3) В будущем американцы хотят работать на своих собственных условиях;

4) Пожилые американцы готовы использовать возможности Интернета.

Исследователь феномена свободных агентов считает, что кардинальные изменения ожидают также систему образования. Он заявляет, что «средняя школа в том виде, в каком мы ее знаем, прекратит свое существование. Ее заменит и дополнит система образования, ориентированная на практику, более соответствующая экономике свободных агентов. А этика самообразования, усвоенная в юности, будет помогать и в зрелом возрасте, снижая ценность полученных в колледже дипломов и увеличивая ценность неформальных, самостоятельных методов обучения» [1; с. 246]. По мнению, Д. Пинка, школа прежнего образца, система среднего образования индустриальной экономики, всецело соответствовала обществу «человека

организации», которому в будущем предстояло работать на заводах, фабриках, в корпорациях. Подобно тому, как на заводе об окончании рабочего дня сообщал гудок, в школе эту роль выполнял звонок. Рейтинговую систему оценок в школе в будущем заменяет дифференцированная оплата труда, согласно ставкам. Д. Пинк не говорит об уничтожении системы общего образования вообще, он говорит о том, что система образования должна отвечать современным реалиям. Школа должна измениться. Кроме того, возможно, увеличится роль обучения на дому.

Далее Д. Пинк задается вопросом: «Где в будущем будет работать свободный агент?» Ответ на этот вопрос должно дать понимание последствий информационной революции. «Цифровая революция и развитие беспроводной связи радикально изменили законы бизнеса, - пишет он, - мы стали виртуальными. Мы стали мобильными. А если у человека есть возможность находиться где угодно, то неважно, где именно он находится» [1; с. 246]. Развитие экономики свободных агентов изменит понятие «место работы». Таким местом может стать личный кабинет работника у себя дома. Такой тип офисов Д. Пинк образно называет «личным штатом Айдахо». Это будет место для спокойной работы, требующей сосредоточенности. Также возможны офисы второго типа. Д. Пинк называет их «лежками лося» – это «своеобразные клубы по интересам свободных агентов, места, где они смогут провести время, поболтать о вчерашней серии комедийного сериала, которую они смотрели через сеть или поработать вместе с коллегами над проектами, требующими непосредственного взаимодействия» [1; с. 249]. Это будет место для совместной работы и общения, наполовину паб, в котором собираются друзья, наполовину бизнес-центр. Эти новые разновидности офисов, по мнению Д. Пинка, приведут к изменениям ситуации на рынке жилой и коммерческой недвижимости – должны будут измениться дизайн и назначение дома, возможен также бум в строительстве и обустройстве жилья.

Далее, по мнению Д. Пинка, должен измениться подход к карьере. Профиль карьеры свободного агента будет зависеть от индивидуальных предпочтений. Новая карьера, возможно, будет менее линейной и последовательной. По мнению Клифа Хакима, написавшего книгу, «Все мы работаем на самих себя», служебную лестницу сегодня заменяет решетка или сетка: мы уже не поднимаемся по лестнице, а движемся по паутине. Д. Пинк сравнивает будущую карьеру свободных агентов с конструктором Lego. «Продвижение по службе будет напоминать не движение вверх по служебной лестнице, ступень за ступенью, в заранее установленной последовательности, а будет осуществляться самыми разнообразными способами. Люди будут создавать и перестраивать свою карьеру, подобно тому, как дети собирают и разбирают конструкции из Lego. Элементами таких конструкций будут контракты, знания, навыки, желания и имеющиеся возможности. Люди будут создавать временные конструкции на основе свободного и часто неожиданного сочетания этих элементов» [1; с. 296].

Так выглядят трансформации экономической, политической, обыденной жизни «свободного агента» как их видит Д. Пинк.

По нашему мнению, Д. Пинк вносит значительный вклад в развитие представлений о том, кто такой работник нового типа. Однако исследователь ограничивается лишь той сферой труда, которая может быть вынесена за рамки традиционной корпорации. Д. Пинк рассматривает широкий круг людей различных профессий, которые предпочли самозанятость работе на организацию. Здесь оказываются люди как материального, так и нематериального труда. Однако Д. Пинк сам это оговаривает в своей работе, что свободным агентом могут стать люди, которые могут использовать ставшие сегодня доступными, недорогими, удобными для хранения в домашних условиях инструменты, в первую очередь, электронную аппаратуру, возможности Интернет. Описанные трансформации в ценностях, стиле жизни, организации труда и отдыха и пр., по нашему мнению, достаточно точно отражают то, как сегодня может работать и жить один из ведущих типов работников всеобщего труда – создателей программных продуктов. Будучи материальным (это труд по созданию абстрактных материальных структур) этот труд уже не является привязанным к определенному рабочему месту, может выполняться дома и требует от работника соответствующих знаний и квалификации и оборудования (компьютера), который сегодня доступен для содержания в домашних условиях. Однако в стороне остаются отрасли и предприятия, которые используют сложную, дорогую технику и технологии, недоступные для владения отдельным человеком. По нашему мнению, необходимо дальнейшее глубокое исследование других не менее важных сфер общественного производства. Возможно, те особенности свободных агентов, которые выделяет Д. Пинк, окажутся свойственными и работникам организаций, занимающихся характерным для постиндустриальной экономики трудом. Д. Пинк отмечал, что можно работать как свободный агент, даже если формально человек работает в какой-либо организации.

Несомненным преимуществом исследования, по нашему мнению, является то, что оно носило «полевой» характер – Д. Пинк встречался, общался, наблюдал за образом жизни и анкетировал тех людей, которых он называет «свободным агентом».

Однако характер исследования можно определить как феноменологическое описание. По нашему мнению, необходимо дальнейшее глубокое философское (сущностное) осмысление изменений. Необходимо выделить понятие «субъекта современного общества», дать типологизацию субъектов, исходя из типов труда. Вероятно, «свободный агент» как один из типов субъекта современного общества (например, программист или эксперт в области формирования команд талантов) также займет определенное место в классификации. Однако необходимо дальнейшее осмысление того, кто же является действительным субъектом современного общества.

Литература

1. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / Д. Пинк. – М., Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. – 327 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Концепция субъекта исторического процесса в марксизме (научной философии)	3
Патырбаева К.В. Онтологические основания человека как субъекта истории и концепция единого закономерного мирового процесса	3
Патырбаева К.В. Проблема человека как субъекта истории в марксизме (научной философии)	7
Патырбаева К.В. Проблема субъекта и формационная концепция истории	12
Патырбаева К.В. Категория «народные массы» в историческом материализме и ее значение при анализе движущих сил исторического процесса	18
Патырбаева К.В. Субъект истории в марксизме и проблема субъекта постиндустриального общества	23
Раздел 2. Субъект в условиях социально-экономических трансформаций в концепциях современности	
Патырбаева К.В. Субъект в условиях социально-экономических трансформаций в концепциях индустриального общества в западной философии и социологии (1950–1970-е гг.)	33
Патырбаева К.В. Современный социум и его субъект в концепциях постиндустриального общества. Статья 1. Новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта: сущность и мотивы деятельности техноструктуры	44
Патырбаева К.В. Современный социум и его субъект в концепциях постиндустриального общества. Статья 2. Постиндустриальное общество, технократы и технократическое мышление в концепции Д. Белла	46
Патырбаева К.В. Современный социум и его субъект в концепциях постиндустриального общества. Статья 3. Труд, субъект труда и занятость в информационном обществе М. Кастельса	49
Патырбаева К.В. Современный социум и его субъект в концепциях постиндустриального общества. Статья 4. Супериндустриальное общество и человек в концепции Э. Тоффлера	51
Патырбаева К.В. Постмодернистская социология Ж. Бодрийера и проблема человека	65
Патырбаева К.В. Человек и общество в постмодернистской концепции З. Баумана	72
Патырбаева К.В. Взгляд на современное общество через призму концепции макдональдизации общества Дж. Ритцера	80
Патырбаева К.В. Свободный агент как субъект современного общества: реферативный обзор по книге Д. Пинка «Нация свободных агентов»	85

Научное издание

**ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: СОВРЕМЕННОСТЬ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК**

**Часть 4. Человек как субъект общества и истории:
философские аспекты**

Материалы заочной всероссийской с международным участием
научно-практической конференции
(25–30 декабря 2012 г.)

*Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка К.В. Патырбаевой
Дизайн обложки А.В. Патырбаевой (e-mail: autumnforce@mail.ru)*

Подписано в печать 27.12.2012.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5,81.
Тираж 100 экз. Заказ № 1.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского
университета
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО Учебный центр «Информатика»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15